

Милютин Александр

www.milutyn.com

al-mile@yandex.ru

ОТПУСК НА БАБЬЕ ЛЕТО или СУМЕТЬ УСПЕТЬ

Фантастическая история без фантастики

1. Тридцать один

Оставшиеся десять дней отпуска Игорь Астахов отправился догуливать в сентябре. Аккурат на бабье лето. Это была многолетняя традиция – быть дома именно в это время, чтобы отдохнуть без летней суеты и отпраздновать свой день рождения. Традиция брала свое начало еще со времен бесшабашного отрочества. Это не был пьяный и отвязный марафон с запоминающимися на весь год безумными выходками, нет. Игорь не был таким человеком. Просто собирались друзья, приезжали родственники. Было весело и интересно. Были подарки, застолья и поездки компанией на природу – в лес и на море.

Однако после Четвертака, то есть после 25-ти, бабье лето Игоря начало терять запал и очень скоро сошло на нет. Он утешал себя, что это повсеместное явление – молодежные компании тают на глазах, распадаются, заводятся семьи, возникают узы брака и оковы дома. Утешал, но не очень-то верил своим объяснениям. Иногда казалось, что его просто все стали забывать.

На тридцатилетний юбилей из более чем двух десятков приглашенных его посетила лишь треть, да и то, можно сказать, посетила формально. Как-то так сложилось, что все куда-то торопились, долго не засиживались, поздравляли и убегали. Или же заскакивали в неурочный час, «на минуточку». Через год, сев составлять список приглашенных, Игорь вдруг понял, что многие из тех, кого он регулярно звал, уже не первый раз игнорируют его приглашение, да и вообще... получалось так, что он-то звал, а его – никогда. Не только на дни рождения, вообще... Скольких своих друзей он видел в течении года, со сколькими пил пиво, ходил на футбол, выезжал за город? Можно по пальцам пересчитать... Это было печально и обидно. Поэтому на тридцать первый день рождения Игорь из принципа решил никого не обзванивать, а самому ждать поздравлений. Кто вспомнит, тот вспомнит, кто придет, тот придет. Пусть единицы, но самые нужные и близкие родственники и друзья.

Результат был неожиданным.

Не вспомнил никто.

Ну, то есть родители, конечно, вспомнили, но даже не зашли, позвонили, извиняясь за плохое самочувствие и... еще какие-то причины. И... так и не приехали.

Тридцать один – уже не круглая дата. Но, как ни странно, именно в этом году, Игорь почувствовал окончательную солидность. Будто бы, как и в ситуации с миллениумом, можно сомневаться, начинает ли работать в тридцать лет выражение «разменял четвертый десяток» или нет. А в тридцать один... Какие уж тут сомнения? Ну, кстати, Игорь про миллениум тогда все для себя решил и всем, кто хотел с ним поспорить, приводил эффектный пример. С какой бутылки, спрашивал он, начинается второй ящик водки – с двадцатой или двадцать первой?

Сейчас Игорь сидел на кухне около забитого едой холодильника, и пил вино. Холодильник был забит по случаю дня рождения – даже не раздавая официальных приглашений, он все равно готовился к нему. Выяснилось, что зря.

К десяти часам вечера Игорь добавил к третьему бокалу бутерброды с красной рыбой, красивый дырчатый сыр, греческий салат, вынес все это на подносе на балкон и... более не стал прислушиваться к бормотанию телевизора в комнате, на фоне которого мог прозвучать телефонный звонок или звонок в дверь.

Сентябрь стоял теплый, но какой-то... неуверенный, неустойчивый. Будто все что угодно могло нарушить сохраняющееся с лета равновесие. Вот пойдет что-то не так, и бабье лето разлетится на осколки под напором штормового ветра, ускользнет без следа, напуганное чередой затяжных холодных дождей. Но так было на памяти Игоря очень часто, почти всегда. Всегда боялись, что пикник придется отменить, и прислушивались к прогнозу погоды. Но бабье лето его, по большому счету, никогда не подводило. А если и бывало такое, то Игорь благосклонно забывал такие случаи. Обижаться на этот благодатный период рожденному под знаком Девы было неправильно.

Опустив поднос на маленький столик, Игорь взял бокал и встал у оконного проема, за которым, медленно мерцая, отходил ко сну город. Было удивительно тихо, тополь напротив стоял, не шелухнувшись ни одним листочком, ни одной веточкой. Гасли окна на горизонте. Город прожил еще один из бесконечной обоймы дней и готовился оставить его в прошлом. Тот факт, что для кого-то этот день был особенным, город ни капельки не волновал.

Игорь стоял и оценивал свои ощущения – каково это, уже однозначно быть в группе «Кому за 30»? Так и напрашивался бесшабашный такой, залихватский, полный оптимизма ответ: «Да никак! Все путем! Все как и раньше!». Но это была неправда. Разница существовала. Не могла не существовать, ведь прожито уже, если так прикинуть, полжизни. В той половине остались яркие чувства, светлые надежды, море энергии, романтика, время, движущееся по иным законам... В другой же... Что там, в другой половине жизни, еще предстоит узнать. Но совершенно очевидно, что там не то, что в первой.

А переход произошел все-таки слишком резко. Прожитые годы перестали напоминать невесомые кирпичики. Они превратились в громоздкие каменные плиты, к тому же еще и плохо подогнанные. И все случилось не постепенно, а как-то сразу. Раньше как... ну, двадцать... с каким-то хвостиком. Все еще впереди, все еще будет, и все еще можно исправить. Тут тебе хлоп! А юность-то кончилась! Можешь исправить, можешь начать сначала, но уже никогда не избавиться от этого жесткого, намертво вцепившегося чувства отставания по жизни. Опаздываешь, опаздываешь! Кое-где еще можно наверстать тех, кто ушел вперед, трудно но можно – на новой работе резко взять старт и побежать, покарабкаться по карьерной лестнице, обустроить как надо родной очаг, если позволяют финансы, покататься по миру, ставя галочки в воображаемом (или реальном) блокноте: «Был. Видел. Привез сувенир». Хобби можно найти настоящее, машину купить, о которой мечтал (если средства позволяют опять же). Но на личном фронте – тут совсем другая картина. Крутись не крутись... Не поспеешь за теми, чьи дети уже идут в школу, за теми, кто подбирается к оловянной свадьбе, кто просто нашел, в конце концов, свою любовь и понял это. Если у тебя всего этого нет, отстал ты без вариантов. А если принять к сведению то, что заработать много денег возможно лишь теоретически, то и все остальное папахивает в лучшем случае отставанием от графика, а в худшем ощущением собственной невезучести и ничтожности.

Раньше Игоря этот вопрос отставания и опережения мало волновал. Он был женат какое-то время, но настоящей семьи у них не получилось. Не довелось стать отцом, не довелось обзавестись своим жильем, он жил в съемной квартире. Достичь каких-то высот в карьере тоже не довелось... Ну и что? Что – все это нужно делать по пунктам и по расписанию? Кто все это выдумал? Аутсайдером ведь его тоже не назвать – квартира не пуста, есть работа, машина. По кривой тропке не пошел, как некоторые, к примеру, со двора, где вырос. Про это даже и думать не хотелось... Да, если рассуждать мерками общества, он опаздывал, но «опаздывал»... в

настоящем времени. Так было. И вдруг сегодня он почувствовал странно так, что очень, очень скоро настоящее время в этой формулировке может превратиться в прошедшее. Нет, никаких страшных предчувствий не было. Когда в глубинах сознания всплыла эта мысль, компанию ей составляла только безграничная тоска. К счастью, это длилось недолго.

Игорь сделал глоток из бокала, прислушался к ночной тишине. Где-то вдалеке появился и зачастил, нарастая, цокающий звук, звук каблучков. Девушка вынырнула из проулка, ее маленький одинокий силуэт бесстрашно проплыл среди ветвей и исчез во мраке. А Игорь замер, пытаясь ухватить мысль, которую вызвал к жизни звук ее туфелек. Мысль была такая: друзья чаще посещали их, пока он жил с Настей. Словно они приходили из-за нее. А когда она ушла, в его доме стало пусто...

Игорь задумчиво повертел в пальцах кусочек сыра. Так ли это было? Да нет, конечно, совпадение... Или даже наоборот! Круг общения начал сужаться как раз после прощания с прелестями холостяцкой жизни. Но это, казалось, был естественный процесс...

Они прожили с Настей четыре... или три с половиной... года. В бородастых анекдотах или баянистых байках любят сравнивать это со сроком. В 25 сел, в 29 вышел... Где-то так... Развод состоялся чуть больше двух лет назад. У них не было детей, поэтому все прошло тихо и мирно, даже слишком. А, может, не поэтому. Взрослые люди могут, если захотят, не изводить друг друга, не заставляя страдать...

Почему она это сделала? Трудный вопрос. Из-за запаздывания? Нет. Хотя... Возможно, частично и из-за этого.

Она разочаровалась в нем. Игорь ничего не достиг в жизни, он ни к чему не стремился, его все устраивало. Так было не всегда, конечно. Они познакомились с период, когда голова молодого Игореньки кругом шла от идей. С ним было интересно. Больше всего хотелось открыть свое дело, начать бизнес, чтобы ни от кого не зависеть. Хотелось объехать весь свет. Хотелось прыгнуть с парашютом и заняться латиноамериканскими танцами. Пойти учиться дальше тоже было в планах. Собрать музыкальную коллекцию лучших гитаристов мира, купить и отреставрировать своими руками раритетное авто, обязательно кабриолет...

В этот романтический период они и встретились с Настей. Игоря она узрела именно в ореоле всех этих идей, молодого, симпатичного, энергичного. Ну, как было не влюбиться в такого парня!? Только вот вся мишура идей и грез облетела. Жизнь взяла свое, есть такое выражение, которое можно истолковать по-разному.

Вместо своего дела появилась работа. Просто работа, с боссом, правами и обязанностями и весьма туманными перспективами, но оплачиваемая на... ну почти достойном уровне. Игорь очень быстро привык к ней. Ни начальник, ни коллектив его не напрягали, не лезли в душу, не требовали невозможного. Вместо раритетного кабриолета появилась среднестатистическая нашмарка. Прыгнуть с парашютом показалось страшновато, заниматься танцами – лениво. Учиться – неинтересно. А музыку он стал предпочитать более популярную. Ничего и не осталось от блеска идей...

Он погас, но Настя не хотела гаснуть вместе с ним. У нее тоже были свои идеи, свои планы, она была ярким творческим человеком, а та жизнь, которую как излучение формировал вокруг себя Игорь, была для нее невыносимо скучной.

Но взрослая жизнь, подумал Игорь, она вообще штука такая... скучная. Дети об этом точно знают. Все были детьми. С высоты ребячьей колокольни, маленькой такой, искренней, сверкающей, незапятнанной ничем колокольни, ты смотришь на этот взрослый мир, и тебе кажется, да что там, ты совершенно уверен в том, что у них очень скучная жизнь. У них нет игр, у них нет каникул, а отпуск они проводят черт знает как. У них мало радостей, а если и есть, то какие-то совершенно непонятные. Они каждый день идут на работу и приходят с нее усталые и часто злые. Вечерами они сидят дома, никуда не ходят, смотрят телевизор, причем, естественно, ерунду всякую смотрят. У них мало друзей и встречи с этими друзьями тоже скучные. Интереснее выпивки и рыбалки, наверное, у них вообще ничего не бывает. А у мамы еще по магазинам пройтись. Но, вместе с тем рядом крутится мысль, может, я просто чего-то не уловил? Может, я просто не знаю обо всех подробностях и деталях этого дела. Может все не так?

И еще одна мысль. Может, это жизнь конкретно у моих родителей скучная? Ну, вот как-то так получилось, что у них – скучная. А у других – нет. И это дает надежду, что когда вырастешь, твоя взрослая жизнь необязательно будет такой же унылой, вялотекущей и однообразной, ты сумеешь сделать ее насыщенной, яркой и интересной.

А потом ты вырастаешь, этот процесс идет постепенно, и меняются ценности твоего мира, и восприятие окружающего тоже меняется... Ты становишься взрослым, и в один прекрасный момент вдруг со всей отчетливостью понимаешь, что в скуке взрослой жизни нет ничего страшного. И, наверное, даже не скука это вовсе, а какое-то... спокойствие, стабильность, постоянство. Не скука. Ну, правда, ведь!

Но почему тогда так не считает такой же, в принципе, взрослый, как и ты, человек? Почему он считает, что все должно быть иначе?

Наверное, потому, что есть другие люди, с которыми действительно все иначе.

С которыми не скучно.

На балконе он сидел долго. Пил вино, хмелел, вцепившись взглядом в угасающие искры городского костра. Искр этих становилось все меньше, и вместе с ними умирал этот день. Для кого-то просто число в сетке календаря, а для кого-то – финал целой эпохи, имя которой юность.

– Мое время уходит, – прошептал Игорь, всем сердцем желая остановить этот процесс, спасти огни от угасания, раздуть снова едва тлеющие угли проспектов и улиц. Он так не хотел, чтобы все исчезло навсегда, но... Но у него не было сил, чтобы посостязаться с абсолютным победителем всего сущего – временем.

И ни у кого не было.

2. Море

Организм по достоинству оценил предоставленные ему для сна несколько лишних часов. Пробуждение было легким и, несмотря на выпитое вчера, безболезненным. Состоялось это событие в пять минут одиннадцатого.

Пробуждение было правильным. Правильным настолько, что стандартные дни со стандартным недосыпом, когда звук будильника вырывает из уютного теплого кокона в холод, мрак, и пустоту, когда так трудно придумать какой-нибудь стимул для существования, вспомнились с болью и тоской. Сегодня Игорь повалился в кровати, наслаждаясь тем, что на день не запланировано никаких дел и тут же запланировал одно... дело.

Взять машину и поехать на море. Очень даже замечательное дело.

В последнее время он редко брал машину. Если быть точнее, то с тех пор, как от него ушла Настя, он редко брал машину. Так уж получилось, что от дома до работы в любое время без труда можно было добраться на маршрутке, и занимало это обычно не больше двадцати минут, в то время как в гараж нужно было идти минут десять, еще столько же проводить там, подготавливая автомобиль к поездке... По меньшей мере столько же... Ну, потому что автомобиль у Игоря был отечественный, да еще и неновый, а к отечественному, еще и неновому автомобилю нужно оказывать хотя бы минимальное внимание. А еще дорога... Вот и получалось, что на маршрутке было и дешевле, и быстрее, и надежнее.

Так что Игорь брал машину, только когда накапливалось несколько важных дел помимо работы. Вот тогда машина выручала, и Игорь был ей благодарен.

В этот раз машина бралась для удовольствия.

Игорь проверил давление в шинах, уровень масла, наличие всех других жидкостей, заглянул под днище, находя в этих действиях сегодня какое-то наслаждение и умиротворение. Завел машину, и пока она прогревалась, протер все стекла, уложил сумку на заднее сиденье.

И поехал.

Около университетской остановки, где нередко приходилось долго стоять на светофоре, он поймал себя на мысли, что раньше всегда здесь делал музыку погромче, и украдкой поглядывал на хорошеньких студенточек, ожидавших автобуса. Ждал, что на него обратят внимание, и он, возможно даже кому-то подмигнет, мол, да я такой вот классный парень. Сейчас он поразился этим глупым мыслям. Повзрослел. Или, скорее, начал считать свою машину недостаточно интересной. Так оно и было, но раньше его это не останавливало. То есть, все-таки, повзрослел.

В общем, звук громче он не сделал, и глазеть по сторонам не стал.

На него тоже никто не посмотрел.

За городом он разогнался, но лететь на пределе, словно убегая от кого-то... или чего-то, не стал. Да и машина шла как-то не очень – необъяснимое чувство, вроде все в норме, а что-то не так. Может быть, попался плохой бензин... Хотя заправлялся он, где и всегда. Даже заправщик был знакомый, который иногда мог честно шепнуть, откуда бензин, а из этого можно было сделать выводы о качестве. Сегодня он был какой-то неразговорчивый и старался не поднимать глаз выше заправочного пистолета. Игорь не придавал этому значения – наверное, у парня вчера тоже нашелся повод выпить.

За несколько километров до конечной точки путешествия Игорь увидел безлюдные зеленые холмы как с картинки и, включив правый поворот, съехал на обочину. Пыльная и нечистая придорожная трава уже через пару шагов превратилась в пышный густой ковер, украшенный маленькими белыми и желтыми цветами. Бабье лето...

Игорь взобрался на один холм, на второй, третий... и его охватило какое-то необъяснимое чувство простора, земля ушла куда-то вниз (она стала ощущаться где-то внизу, хотя он и стоял на ней), а он остался и вместо привычных перспектив перед ним... нет, даже вокруг него, оказалось небо – простор безграничный и какой-то материальный что ли, осязаемый.

Вот если взять фотоаппарат и построить кадр так, чтобы земли ниже линии горизонта было совсем мало, а неба много. Конечно, плоский пример фотографии не был достаточно яркой иллюстрацией того, что он чувствовал, но на ум пришел только такой.

– Вот ведь! – проговорил про себя Игорь – а ведь я никогда раньше такого не ощущал.

Он раскинул руки как можно шире, запрокинул голову вверх. Синь неба была настолько пьянящей, что захотелось зачерпнуть ее ладонью или, и того лучше, нырнуть в нее, разрезая телом.

Он уже даже видел себя как бы со стороны, висящего в нескольких сантиметрах над землей, ощутил (хотя не понимал, как это вообще можно ощутить) как проворачивается под ним планета.

Душу переполнило ощущение осторожной радости. Осторожной оттого, что радость эту – это чувствовалось – так легко спугнуть.

Так и произошло. Со стороны шоссе послышались гудки – большая тяжелая фура приняла влево, сторонясь его оставленной на обочине машины и как раз в этот момент грузовик кто-то начал обгонять. Пошедший на обгон через пару секунд вынырнул впереди удаляющегося грузовика и полетел дальше. Инцидент был исчерпан. Игорь отвернулся от дороги, посмотрел на холмы и понял, что иллюзия объемности и магия неба исчезли. Сказки больше не было. Тогда он вздохнул и, нащупав в кармане ключи, которые по привычке никогда не оставлял в замке зажигания, побрел к машине.

Берег был каменистый, грязный, засыпанный мусором и кучками подсыхающих темно-бурых водорослей, прижатый со спины унылым и серым бетонным забором. Но у него имелось одно неоспоримое преимущество – он был безлюдный: ближайшая машина с каким-то тихим любителем подводной охоты виднелась метрах в трехстах. Обычно они с компанией не останавливались здесь – девчонки хныкали, что на этих камнях только ноги ломать и вообще пляж плохой – ехали дальше, где пляж якобы лучше.

Настя иногда соглашалась...

Море, несмотря на неприглядный берег, тем не менее, было чистым и медуз почти не наблюдалось. Не то, чтобы Игорь их боялся, но все-таки когда приходится разгребать желеобразные тельца руками... Не особо это приятно.

Через пять минут Игорь уже опустил свое освобожденное от одежды тело на старое покрывало.

Над берегом стояла удивительная, наполненная мирным спокойствием, тишина. То есть не полная абсолютная тишина... разве это слово совместимо вообще со словом «прибой»? Просто не было привычного для таких мест шума – визга детей, лая собак, хлопанья дверей автомобилей, бумканья модной музыки... Этого не было.

Пару раз Игорю слышались какие-то голоса... будто бы рядом, за грудой камней, но в следующий миг он понимал, что разговаривающие люди далеко от него, просто так... так расположился воздух, что легчайший порыв ветра донес этот звук.

Вообще звуки словно дробились, распределяясь по слоям. Дальний слой составляли треск моторной лодки, гул пролетевшего самолета, звуки машин с шоссе. Это были звуки цивилизации и очень хорошо, что они были в дальнем слое. Ближе звучали редкие человеческие голоса, крики каких-то птиц, шелест порванного кулика, зацепившегося за колючку, ну и совсем рядом – тонкий треск кузнечиков и плеск волн. Плеск волн вообще можно было вынести в отдельную категорию – ленивый, умиротворяющий, монотонный. Фон ко всем остальным звукам...

Как хорошо, что здесь и сейчас голос ветра и моря ничто не заглушало...

Вода была прохладной даже у берега. Игоря не волновало это обстоятельство, он не ставил себе целью обязательно искупаться. Но зачем он тогда ехал? Чтобы не отвечать себе на последний вопрос шаблонными книжными фразами, вроде «чтобы подумать о жизни», вчерашний именинник зашел по колено, привыкая, думая о моржах, или хотя бы приезжих, например, сибиряках, которые преспокойно могли залезть в море и в октябре. Наконец, собравшись духом, он плюхнулся в воду, выкрикнул сдавленное «ух-ты!» и, работая энергично руками, поплыл. Вскоре согрелся и, как только холод отступил, в голову прилетела мысль – купаюсь я, скорее всего, последний раз в этом сезоне. Тогда он попытался запомнить это ощущение бодрящей лазурной воды, теплого, но не жаркого уже солнца, прозрачного воздуха, законсервировать все это, как консервируют огурцы или вишни.

Во второй заход, после того как тело вдоволь погрелось на солнышке, он входил в воду быстрее, практически бухнулся. И, поняв, что никто его не видит или, может, видит, но издалека, принялся бултыхаться, нырять, беситься, прыгать с камня... Игорь делал это, словно хотел наплаваться и наныряться за всех, кого нет с ним. Потом он понял, что это глупо и не тянет даже на проводы юности – была и такая мимолетная колючая мысль-червячок в его голове. Но остановился не сразу, проскреб животом дно, полежал минуточку на мелководье, потом выбрался на подстилку, с фырканием вытерся полотенцем, попрыгал то на одной, то на другой ноге, выливая воду из ушей. Упал на свое ложе, теплое и родное, и понял – завод кончился. Стало грустно. Опять подступили мысли обо всем и ни о чем.

Вспомнилось, как однажды на этом берегу их с Настей прижало нестерпимое желание и они, спрятавшись в камнях и накрывшись большим полотенцем, занимались здесь посреди бела дня любовью. Но фишка была не в этом. Когда все закончилось, и Игорь с блаженной улыбкой уставился в сторону горизонта, Настя стала пытаться его, о чем он думает. Немного посопротивлявшись, Игорь абсолютно честно рассказал ей, что думал о высоте прилива в этих местах, о кораблях на воздушной подушке, об эффекте кавитации и о водомерках, умудряющихся своими хитрыми лапками удерживаться на поверхности воды. Настя тогда была... обескуражена. Она думала, Игорь над ней прикалывается. А он действительно после секса думал о всех этих вещах.

На обратном пути Игорь попался в лапы гаишникам. Это случилось сразу при въезде в город, соответствующий дорожный знак еще даже не успел исчезнуть в зеркале заднего вида. «За что?» можно было не спрашивать. И так ясно. Превышение скорости и обгон через сплошную.

Ведь здесь подчиниться правилам было нелегко – трасса, казалось бы, не кончилась, город еще не начался, к чему все это – тормозить и плестись за груженым самосвалом в горку. Ну и что, что одна полоса... Ну и что, что сплошная...

Что обидно – ведь знал же, что это место «хлебное» и стоят здесь часто. Но вот... влип... Некому было фарами мигнуть. Не повезло. И не одному ему не повезло.

Молоденький гаишник резво подскочил к нему, буркнул что-то неразборчивое, представляясь, и, глянув документы... унес их с собой в патрульную машину. Игорь остался. Обычно в случае нарушения приглашали и водителя следовать туда же, но на самом деле его нечасто останавливали, чтобы иметь уверенность, что эти действия сотрудников автоинспекции – правило. К тому же в патрульной машине уже сидел кто-то. Собрат по несчастью...

Игорь, вздохнул, вышел из машины, и стал ждать.

Про него забыли минут на десять, а то и больше. Гаишники занимались своими делами, кого-то еще затормозили, а в отношении его, Игоря Астахова, ничего не предпринимали. Если бы он сейчас спешил по важным делам, то, безусловно, нервничал бы, злился, психовал. К счастью, важными делами сегодня и не пахло...

Самолет пересек все небо с запада на восток, оставляя за собой белый след. Игорь, задрал голову, проводил его взглядом. Понаблюдав, как в стороне вороны взламывают скорлупки грецких орехов, как забавно тормозят водители, обнаруживая за кустами патрульную машину, как некоторым гаишники уделяют особое внимание при помощи полосатой палочки.

Наконец, спустя целую вечность, вспомнили и о нем...

За это время, видимо, что-то произошло, потому что перед Игорем неожиданно вырос другой гаишник, не тот, что непосредственно его останавливал, и, смерив странным взглядом, в котором читались одновременно сочувствие и презрение, протянул документы.

– Игорь Владимирович, есть моменты, когда спешить опасно, а есть, когда опасно не спешить, – сухо сказал он. – Подумайте. Счастливого пути!

Он отвернулся и зашагал к патрульной машине.

Игорь, уже давно морально подготовившийся к нудному составлению протокола и последующему штрафу, опешил от такого поворота. Проверив, нет ли отметки в талоне, и все ли документы на месте, он залез в машину и торопливо завел двигатель, будто боялся, что гаишник может передумать.

Настроение на остаток пути уже было подпорчено, однако, о самом инциденте Игорь на какое-то время забыл.

До вечера.

Вечер ожидался по настоящему холостяцкий, диванно-телевизионный. Об Игоре так никто и не вспомнил. Это уже немного нервировало, но только немного. «Завтра, – решил Игорь, – займемся этим завтра». Он разогрел с овощами тушеное мясо, приукрасил тарелку салатами, сделал пару бутербродов, не забыл про пиво... и со всем этим добром уселся перед телевизором, мечтая найти какой-нибудь старый добрый фильм, памятный с детства. Ну... так захотелось. Так вечер мог стать очень приятным. По-настоящему. Фильм он нашел – старый, французский, но в рекламной паузе показали ролик с спешащим куда-то автомобилем и это напомнило ему о сегодняшнем случае и о странных словах инспектора. А слова действительно были странными. «Опасно не спешить» – ведь это не просто так. Так обычно не говорят, тем более человек такой профессии... А как говорят? Ну... он мог бы сказать что-то вроде: «В некоторых ситуациях можно спешить, а в некоторых НЕЛЬЗЯ» И это было бы правильно, весь смысл, вся нагрузка на второй части предложения и акцент на том, что нельзя превышать и все такое. А так... «Опасно не спешить»... Что он хотел этим сказать? Ведь что-то хотел...

Игорь долго думал над этим вопросом, но ответа так и не нашел.

3. Выход в утро

Сон ему приснился соответствующий, как раз про спешку и «запаздывание». Ему приснились, что он – студент, чудовишно затянувший со сдачей какой-то серьезной курсовой работы. И вот последний день сдачи, на кон поставлено все. С чертежами под мышкой он спешит разыскать экзаменатора, но не знает, куда идти. Коридоры института, целый лабиринт переходов, лестниц, тупиков. Он мечется по ним, не в состоянии никого найти, нервничает, злится – ведь время уходит, все его товарищи уже все сдали. Только он...

Гулкий звук его торопливых шагов в пустых коридорах. Закрытые классы. Насмешливо звенящие лампы в пыльных светильниках. И никого...

Страх и беспомощность достигают предела, когда он неожиданно вваливается в холл, где есть люди, где комфортно и уютно. На миг он забывает о своих поисках, о сдаче курсовой, он идет к людям, но обращает внимание на портрет в черной рамке, висящий на стенде. На портрете – тот самый преподаватель, которому предстояло сдавать кое-как слеplенный труд.

Я опоздал? – спрашивает он окружающих, подходя ближе. – Я что, вправду опоздал?

Вокруг молчание. Он начинает трясти людей, хватать их за руки, но его не замечают. Совсем. Кто-то не отрываясь смотрит на портрет. Смотрит и Игорь. Стекло портрета отсвечивает и получается, что он смотрит на самого себя в черной рамке... Как в зеркало...

Осознать, что все это сон, было большим облегчением. Игорь проснулся, какое-то время полежал, привыкая к яви, впуская в себя необходимые знания о том, кто он, где он, и что вообще происходит. То, что он вспомнил, не принесло особой радости, за исключением того факта, что он – в отпуске. Решив, что спать больше не будет, он, выбравшись из-под одеяла и как был, в майке и трусах, вышел на балкон.

Раннее сентябрьское утро было прекрасным.

Расцвело, но весь окружающий мир был еще окутан светлой невесомой дымкой – настоящий коктейль из тумана и дыма первых костров, на которых жгут упавшую до срока листву. Небо цвета топленого молока клубилось на восходе, готовясь впустить в мир солнце. Расположившиеся на карнизе голуби, ждали этого момента, оживленно воркуя, словно подгоняли его. Сорока ничего не ждала. Она летела по своим сорочьим делам чуть выше крыш домов, Игорь увидел ее снизу, увидел, как она делает взмахи крыльями, отдаленно напоминая пловца брасом. Она пролетела и скрылась.

Было прохладно, но прохлада несла свежесть. Воздух был чистым, сырым и ароматным. Где-то чиркала асфальт метла дворника. Проехала машина, неуместная, в общем-то, в этой утренней идиллии. Игорь постоял еще, потом, продрогнув, нырнул в квартиру, и, пребывая в каком-то странном заряженном, бодром состоянии, сделал зарядку, разминая застывшие после сна мышцы.

Да, сегодня, хотелось быть в форме. Сегодня тот, про кого забыли, решил сам о себе напомнить.

Лучики встающего солнца разрезали исчезающий туман, превратив прекрасное сентябрьское утро в великолепное, будто с полотна талантливого художника. В потоках света, прорезающего кроны деревьев, заискрилась роса на траве, обозначились протянутые за ночь паутинки, затанцевала, закружилась искорками мошкара.

Игорь, гладко выбритый, причесанный и приодетый, неспешно шел по району и думал о том, что вот сейчас, как ни в какое другое время истончается граница между городом и тем, что лежит за его пределами, то есть остальным миром. Летом такого никак не может случиться. Летом в городе жарко, душно и тесно, учащенный пульс магистралей отдает в висках. Зимой тем более разница велика. Слякоть разбитых дорог в противовес укрытых снегом полей и лесов, где тишь да красота. Весенняя красота города тоже не сравнима с полевой – просто нельзя не жмуриться от яркости асфальта, стен домов и контрастирующей со всем этим синевы неба.

А вот если смотреть сентябрьским утром в парке в сторону встающего солнца...

Эти лучики, словно выискивающие что-то прожекторы, эта легкая желтизна деревьев, этот прозрачный воздух, который легко и приятно вдыхать, роса на траве... Словно ты и не в прочном капкане улиц, а где-то там, где леса и луга, где горизонт – не ломанная линия из домов, а земля –

не огороженная заборчиком клумба, а нечто большее... Да, только ранней осенью возможно такое.

Стайка воробьев вспорхнула с какого-то куста и понеслась по коридору из ветвей, словно эскадрилья истребителей, пересекая зоны света и тени, и исчезла где-то вверху. Игорь проводил беспечных птиц взглядом и задумался. Вот он сравнивает город и не-город, но есть ли у него на это право, на каких основаниях он пытается об этом судить? Ведь он родился и вырос в городе. В его активе только короткие вылазки на природу, пикники, однодневные прогулки. Так, чтобы на недельку проститься с цивилизацией, жить в лесу, преодолевать километры с рюкзаком за плечами – он ведь даже в такие походы никогда не ходил. Что он может знать о природе, о дикой природе? Только то, что можно прочесть в книгах или увидеть на экране телевизора. И о жизни в деревне он тоже ничего не знает. Точнее знает что-то понаслышке, что-то видел и сопоставил, когда проезжал мимо, но копнуть поглубже в суть этой жизни... Разве способен на это коренной горожанин?

Да что там село, он и про другие города сказать ничего не может. Он знает только свой, в котором родился и вырос. Он не видел других городов, вернее видел некоторые, но видел так... мимоходом, проездом, вскользь. Что он мог понять об этой чужой жизни? Что он мог почувствовать на изломе простых, казалось бы, понятий – «здесь», «там»... Конечно, существование в городе, неважно каком, имеет очень много схожих моментов. В любом городе есть улицы и дома, есть магазины и кинотеатры, банки и больницы. Просто где-то меньше, где-то больше. Здесь такие, а там такие. В любом городе люди ходят утром на работу, вечером возвращаются домой, в маленьких городках на дорогу уходит меньше времени, в мегаполисах – больше. В свободное время горожане отдыхают или занимаются какими-то личными делами. В некоторых городах условия для отдыха лучше, в некоторых хуже. А так... Все почти одинаково. Выделяются из общей массы, пожалуй, лишь курортные да военные городки. Иногда исключительность города заключается в каком-нибудь заводе... или фабрике. Или какой-нибудь достопримечательности, благодаря которой город попал в схемы туристических маршрутов и выделился среди остальных. А еще через некоторые населенные пункты протекает река, а через некоторые – нет.

А вот что мог бы рассказать Игорь про свой город? Что в нем есть такого? Его город был не велик и не мал. До звания курортного он не дотянул примерно сотню километров, средоточением промышленности ему не суждено было стать, центром туризма – тоже. Река через его город не текла. Это был такой... город-среднячок. Игорь даже очень смутно знал историю его возникновения. Она его не интересовала. Какие-то люди пришли сюда в незапамятные времена и решили здесь жить. Почему и зачем знали, вернее, могли только догадываться, лишь специалисты-краеведы...

Люди поселились и жили. У кого-то среди этих улиц прошла вся жизнь, у кого-то часть жизни – большая или совсем маленькая, невесомая. Люди не сидят на месте в отличие от городов, одни приезжают, другие уезжают...

Родной город Игоря являл собой как бы промежуточную ступень. Жители окрестных деревень, поселков и совсем маленьких городков мечтали переселиться сюда, потому что тут можно было заработать и жизнь была легче, а земляки Игоря, кто порасторопнее, мечтали уехать в города покрупнее, где перспектив больше и возможностей для заработка тоже больше. Одно время мечтал, кстати, и Игорь. Мечтал не очень настойчиво, а так... в стиле «уехать бы...». Но не уехал. Даже не попытался. Прежде всего, воспротивились родители, а потом и он сам поразмыслил, и решил, что слишком много держит его здесь. Лучше быть первым парнем на деревне, чем десятым в городе – Игорь согласился с этой поговоркой.

Что интересно – одним из моментов, перевесивших тогда чашу весов в пользу «остаться» были его друзья, он не представлял, как потеряет их всех, как будет жить один в чужом незнакомом городе, большом и хищном. Но друзья и приятели через несколько лет и сами разлетелись, разбежались, уехали в другие города или вообще за границу. Конечно, уехали не все, только некоторые... Но в общем-то уехали лучшие... Самые незаурядные, можно сказать, личности, умные, целеустремленные, с амбициями, с которыми всегда было интересно. Они знали, что им здесь не то, чтоб ничего не светит, но здесь им тесно, здесь им не развернуться, они не смогут реализоваться в этом городе, а может даже и стране, просто не те условия. Правда, кто-

то из тоже умных и способных нашел себя здесь. Это, как правило, были ребята со связями или с чем-то похожим на семейный бизнес. Но по сравнению со смельчаками, уехавшими в никуда, они, конечно проигрывали.

Проигрывали... Это в общем-то был не факт. Например, многие девушки так не считали. Их эти оставшиеся и нашедшие себя интересовали гораздо больше. Девушки расхватывали их как дефицитный товар...

В общем, те, у кого были только мозги, уехали. Те, у кого были руки или связи, остались. Те, у кого не было ни первого, ни второго, ни третьего, конечно же, тоже остались. Принадлежность к последним Игоря сейчас уже перестала смущать... Главное не берeditь старые раны.

Но этого как раз и не вышло.

4. Отвергнутый

Он услышал эти слова от первого номера своего списка.

– Игорь, я уезжаю.

– Что? – Он не поверил своим ушам, в это совпадение не хотелось верить.

– Ты слышал. Я уезжаю. В столицу. Один старый знакомый предложил хорошую работу.

– Ах, старый знакомый значит...

– Ой, перестань! Да, знакомый.

– Вика, а как же... Я думал, что... наши отношения... они...

– Какие отношения, Игорь? Что ты себе нафантазировал?

– А разве то, что было, это...

– Нет! Да когда это было!?

Она отвернулась к окну, плотно сжав губы. Каштановые волосы заблестели на солнце. Пальцы вместо недоступной сигареты сжимали в руках маркер. Крепко сжимали. Она нервничала.

– Почему ты молчала?

– Не хотела сглазить.

– Но почему так, Вика? Именно так? Мы могли бы... в другой обстановке... Поговорить... У меня был День Рождения. Ты забыла, да?

– Игорь, у меня сейчас столько забот, ты себе не представляешь. Здесь дела сдаю, все долги подбиваю. Квартирный вопрос решается с трудом, еще куча всего. Ни на что нет времени.

– Ты продаешь квартиру?

– Нет... Ну... В общем, да.

– Значит... ты уезжаешь насовсем?

– Только сейчас это понял? Да, сваливаю!

В душе у Игоря стало пусто и холодно. И обидно.

– Я в отпуске. Мог бы помочь... – пробормотал он уже на автомате.

– Я и так прекрасно справлюсь.

Игорь не поднимая глаз, взял со стола дырокол, повертел его в руках.

– Когда ты уезжаешь?

– В среду, – Вика опустила глаза и сказала уже тише. – Послушай, ты извини, что так получилось. Я не хотела тебя обижать. И с днем рождения поздравляю. Но я сейчас вся издерганная. И все это сложно...

Игорь кивнул.

– Значит, и помощь моя тебе не требуется...

Виктория промолчала.

– ...и сказать-то нам больше нечего, так?

– Игорь, ну что ты ко мне привязался!? Я не давала тебе никаких обязательств и от тебя ничего не требовала. И, вспомни, Я всегда говорила, что не представляю себе жизни в этом сонном городишке, в этом болоте...

– Да... И город для тебя ничто и я для тебя никто... – он опустил дырокол на стол, огляделся вокруг, подмечая, как другие работники в ее офисе прячут лица и делают вид что очень заняты. – Ладно, тебе, полагаю, нужно работать, сдавать дела. Я не буду мешать.

Игорь вздохнул и направился к выходу.

– Спасибо за понимание, – трудно было понять, то ли она издевается, то ли серьезно.

Он не оглянулся.

– Прощай.

В самом конце до его слуха донесся ее громкий вздох. Игорь знал, что он означает. Ей было жаль. Но не Игоря, не себя, а просто того, что не удалось провернуть все в тайне.

Игорь миновал коридор, никого не встретив, и покинул офисное здание, в котором никогда в жизни больше не окажется.

Прежде чем спросить себя, а куда собственно лежит его путь, Игорь прошагал километра два по сложной траектории, которую не повторил бы и не объяснил. Засунув руки глубоко в карманы, он шел, задумавшись, причем, и как шел, и о чем думал, вспомнить уже не мог. На душе было сумрачно, обида сосала под ложечкой. Но убиваться с горя он не собирался. Ну, дала от ворот поворот, ну разве он не предполагал такого развития событий, когда подкатывал к этой бизнес-вумен, к этой карьеристке, для которой прежде всего была работа. Предполагал. Нелегко, конечно, проглотить такую пилюлю, но к счастью, есть и другие девушки... девушки без выкидонов, общаться с которыми просто и приятно.

Сейчас, в этот прекрасный сентябрьский денек, такое общение было бы как нельзя кстати. Улыбочки, шуточки-прибауточки, обмен новостями... Так, чтоб не думать, о чем заговорить, не взвешивать каждое слово, просто болтать...

Да, именно то.

Игорь остановился, мысленно встряхнулся, огляделся, и, прикинув маршрут, решительным шагом направился на проспект.

Анька была рыжей. Настоящей такой рыжей с маленькими веснушками, курносый носиком и зелеными глазами. Хотелось сказать: «Она была рыжей, и это все объясняло». Но это на самом деле ничего не объясняло. То, что Анька была природной шатенкой и то, что она была озорной, общительной и болтливой – это были два независимых факта. Но почему-то их хотелось обязательно как-то увязать.

Анька... Живая, озорная, болтливая девчонка. Именно девчонка. Разница в возрасте между ними достигала предельной, по мнению Игоря, величины – десять лет, но эти десять лет не были бездной, как можно было ожидать. Когда она поджигала его своим неумным весельем, увлекала разговорами, Игорь сбрасывал с плеч груз прожитых лет, несостоявшейся карьеры и неудачного брака. Все это забывалось, и оптимизм переливался от нее к нему, когда их взгляды встречались, или встречались губы... или тела. Последнее, правда, случилось лишь однажды, но Игорь очень надеялся, что повтор возможен.

Аня училась на модельера одежды и подрабатывала на ксероксе в гостинице «Вега». Туда он и направился.

«Вега», кстати, была для Игоря особым, памятным местом. Здесь располагался хороший кинотеатр, и, бывало, они иногда ходили сюда с отцом. В детстве ему казалось, что это территория совершенно иной жизни – во-первых, взрослой, а, во-вторых, ненашенной. Ну, а как еще про это сказать? Если даже не брать в расчет сами фильмы, которые здесь крутили... В дальнем конце фойе здесь стояли игровые автоматы. Не те, вроде «Морского боя» или «Скачек», а те, что принято называть «однорукими бандитами». На них играли на деньги. Дергали за ручку и три или пять вращающихся барабана, по очереди останавливаясь, сулили или выигрыш или ничего. Кроме того, по соседству со зрительным залом располагался бар. Первый увиденный Игорем не в кино, а в реальной жизни. Настоящий бар: стойка, высокие стулья, бармен и ряды бутылок за его спиной. После сеанса... или перед, если было время... папа приводил его сюда, брал себе пиво, а Игорю мороженное. Ну, а уж орешки, выложенные на блюде, они поглощали вместе. Да, вот эти вот соленые орешки, которые сейчас можно купить в любом ларьке, когда-то можно было попробовать только тут...

Игорь вошел в здание гостиницы, с трудом возвращаясь в реальность от воспоминаний. С воспоминаниями бороться было трудно, запах того видеозала и вкус тех орешков, поданных на блюде, до сих пор хранился в памяти, хотя от прежней «Веги», конечно же, ничего не осталось.

Стол с копировальным аппаратом располагался за углом, недалеко от входа, прямо под одним из огромных окон, выходящих на улицу. Через такое окно был виден весь проспект и почти все, входящие и выходящие из гостиницы. Игорь пожалел, что его приближение, скорее всего, уже раскрыто, если только Аня не занята с клиентами или не увлечена каким-нибудь журналом.

Оказалось, что Аня действительно занята. Очень. Занята высоким коротко стриженным парнем, с которым она обнималась прямо на рабочем месте, пока никого не было.

Игорь застыл, не спеша появиться из-за газетного стенда, который соседствовал с отделом ксерокопии и в данный миг скрывал его. Отвел глаза, но потом снова посмотрел.

Вот тебе и Анька! Вот тебе и Рыжик! Действительно, кто сказал, что у нее есть какие-то обязательства перед ним? И с чего он вообще взял, что у нее никого нет? Может быть нет серьезной и постоянной связи, но... но... но это же Анька! Под ее чары может попасть любой, стоит ей только захотеть. Зеленые глаза ведьмы опалят огнем и... И все! Он же знал, как это может произойти. Знал, да! Такие они, непостоянные отношения. Ты не обязан ей, но и она не обязана тебе.

Парень прошептал ей что-то на ухо, она заулыбалась и потерла его ежик на макушке.

Что теперь? Глупо подходить, здороваться... Размечтался, понимаешь ли... Поделом!

Игорь уходил разозленным. Неизвестно, правда, на кого больше – на Аньку или самого себя. Вышел из гостиницы и, не оглядываясь, зашагал прочь. Впрочем, даже если бы Игорь и оглянулся, он не увидел бы, как Аня и высокий молодой человек несколько смущенно разомкнули объятия и, конечно же, не услышал бы того, что сказала девушка своему приятелю:

– Все, он ушел. Димка, спасибо, что выручил. Так не хотелось общаться с этим старым придурком.

– Да, пожалуйста! Было... ммм... приятно.

– Хам!

– Ах, так! Сама же просила...

Они рассмеялись. Их смех был юным, чистым и живым, но Игорь этого, конечно же, не услышал.

Возможно, и к счастью.

Злость бесследно... ну или почти бесследно... рассосалась спустя полчаса гуляния по городу. Время уже подошло к той грани, когда не знаешь, что правильнее сказать – «доброе утро» или «добрый день». Гибкие в мышлении или общении люди в такие моменты говорят универсальное: «Здравствуйте!» или «Привет!». Игорь тоже бы так сказал, но здороваться было не с кем. Он бродил по улицам, заходил в магазины просто так, без цели. Очень скоро это стало увлекать его.

Вообще бывшая жена Настя, да и другие представительницы прекрасного пола, знали его как непримиримого противника серьезного «шопинга». Долго ходить по магазинам для него было настоящей пыткой. Очень быстро Игорь становился угрюмым и раздражительным, конфузился от желания тратить деньги на незапланированные покупки, бесился от трудности выбора, и еще его злили толпы народа, которые неизбежно присутствовали рядом.

Однако, следует признать, такая реакция случалась не всегда.

Например, в детстве торговые точки имели для него притягательную силу. Далеко не все, конечно же, но такие, как спорттовары, магазин часов, отдел игрушек, загадочный и притягивающий автомагазин, салон звукозаписи. И еще птичий рынок.

Игорь вспомнил, как мог объехать весь город в поисках какой-нибудь детальки на велосипед, как серьезно подходил к выбору кассет или как почти полгода каждое воскресенье заходил смотреть на подозрную трубу в универмаге, пока ее ему не подарили на день рождения.

Ну да, дело, конечно, не в «шопинге» как таковом, а в конкретных его условиях – тематике и компании, вернее в ее отсутствии. Игорь был твердо убежден, что советчики почти всегда люди лишние. Он не понимал, как может собраться компания из трех допустим подружек и на полдня отправиться шариться по бутикам и салонам. Ведь все они – дамы эти – разные. И в плане внешности, и в плане вкусов, и, вероятно, в финансовом отношении. Нет же, идут кучей... Ну, вот если бы три мужика, едущих на совершенно разных машинах, специально встретились, чтобы вместе бродить по авторынку. Причем, каждый нацелен купить что-то свое. Ведь бред же, если разобраться!

Игорь улыбнулся этой мысли и вошел в очередной магазин. Эх, видела б его сейчас Настя!

На самом деле он просто давно не попадал в такую ситуацию, когда никто не мешает, некуда спешить, в кармане есть деньги, ну и... Захотелось купить и то, и это. Вот просто захотелось. Останавливало лишь сильное нежелание таскаться с пакетами. Не хотелось занимать руки. Категорически. По этой причине он отказался от приобретения понравившейся рубашки, новой книги и крема для бритья. Зато купил тонкий фломастер для дисков и универсальный видеокабель – это без труда поместилось в карман. Для пополнения домашней аптечки взял таблетки от головы и лейкопластырь. Держать руки свободными до конца, правда, не получилось, но бутылка пепси, подцепленная за горлышко – это была временная и нетяжелая ноша.

Волна отпускного «шопинга» привела его еще в одно симпатичное место. Причем, то, что это место симпатичное и заглядывать туда Игорю приятно, обнаружилось неожиданно и относительно недавно. Насте он про это не признавался. Ну, потому что, во-первых, место, вернее магазин, был по сути «женским», а, во-вторых, там у него появилась... знакомая.

В магазине продавалась посуда, а девушку звали Татьяной.

Витрины с чашками, стаканами и бокалами притягивали его. Но дело тут было не только в красоте, эстетике и тому подобном. Каждый предмет на полке таил в себе зерно, некий зародыш будущей истории. Хорошей, доброй, а может и не совсем, истории. Тут можно было пофантазировать. Вот из этой чашки будет пить кофе, стоя на балконе, хрупкая темноволосая девушка, вот эти бокалы предназначены для момента признания в любви, этот фужер тихо простоит в серванте, а потом банально разобьется при очередном вытирании пыли. Из этого чайного сервиза будут пить вечерами чай целое семейство. Из этих дешевых рюмок – компания поддающих мужиков. Керамический чайник отправится в подарок в деревню. Кувшин для молока на долгие годы запомнится конопатому мальчишке. Большинство хрусталя, так же как и сейчас из-за стекла витрины, будут смотреть в миры сотен семей, сотен домов. Столько историй, большинство банальных и невыразительных, но и добрых тоже немало...

Татьяна продавала эти истории. Вернее продавала посуду, а истории... люди потом сочиняли их сами.

Войдя в магазин, Игорь огляделся, и вначале не увидел Тани, но потом стройный высокий абрис обнаружился за стойкой посуды, в другом отделе, где его знакомая что-то обсуждала с другой продавщицей. Игорь, играя роль созерцателя-покупателя, окунулся в расположенный вокруг стеклянно-керамический мир, ожидая, когда она вернется на свое место.

Таня была высокой худощавой девушкой с длинными прямыми волосами естественного темно-русого цвета. Тонкие черты лица, прямой нос, несколько излишняя бледность... По отношению к ней так и хотелось сказать: «аристократическая натура». Предложение отправиться в кегельбан, какое он собирался сделать Аньке, ей совершенно не подходило. Ей подходил визит в кино, а еще лучше в театр. Да, стоило отметить, что за последние пять или шесть лет он побывал в театре дважды. Благодаря Тане. Сегодняшний день тоже, в общем-то, неплох для театра...

И к черту нежелание занимать руки, – подумал Игорь, чувствуя, как поднимается его настроение. Вот если сейчас он договорится пойти куда-нибудь вечером с Таней, то купит себе новую большую кружку, заварочный чайник и, может быть, термос. Потом вернется за той рубашкой и...

Татьяна появилась на месте с весьма серьезным и каким-то безучастным лицом. Хотя увидела Игоря сразу, это было несомненно. Почему-то возникла мысль, что она хотела переждать где-то за витринами, надеясь, что Игорь постоит и уйдет, но он продолжал ждать и она, понимая, что не может больше не подходить к кассе, появилась.

По-видимому, мысль была верной.

Татьяна обслужила двух человек, покупавших какие-то вещи, потом вымученно улыбнулась Игорю.

– Привет!

– Привет! Ты давно не подавала о себе вестей. Как делишки?

– Да так себе. Работаю.

– Сочувствую. У меня отпуск. Маленький, правда, и уже почти закончился. Ничего не успел особенного.

– Мне до отпуска далеко. Я ж еще в мае отгуляла. А сейчас... только работа.

– На море совсем не выезжала?

Таня покачала головой.

– Есть шанс. Море еще теплое. Что делаешь в выходные?

– Работаю.

– Работаешь?

– На этой неделе да.

– Тогда как ты относишься к предложению сходить куда-нибудь вечером? Театр, кино?

– У меня мама в больнице. Я сейчас по хозяйству. Двое мужчин на моей шее – папа и брат.

– Мне жаль. Но, может быть, стоит как раз немного передохнуть, развеяться? Совсем чуть-чуть...

– Игорь, я сейчас не могу про это думать. Прости, пожалуйста. В другой раз.

– Конечно-конечно...

В магазине он не купил ничего.

Игорь сидел на лавочке, потупившись, и ел мороженое.

Мимо проходили девушки, они были привлекательны, интересны, красивы, в паре шагов от скамейки их туфельки и шлепанцы останавливались у холодильника «Эскимо», но Игорь не предпринимал никаких попыток, чтобы улыбнуться, заговорить, познакомиться. Та уверенность в себе, в своих силах, что вышла вместе с ним из дому сегодня утром, куда-то пропала, бесследно растворилась, и теперь Игорь напоминал робкого и неуверенного подростка, которому кажется, что что-то не так с его внешностью, одеждой, лицом, прической, и если он попытается обратить на себя внимание, его просто обсмеют.

Ну, да, если уж неудачи постигли его с теми, с кем раньше, казалось бы, все было хорошо...

Три девушки. Три облома. Не слишком ли? Такой неудачный день или... Почему-то казалось, что «или». Продолжение истории про то, как его все забывают, или вообще начинают избегать, игнорировать. С этим срочно нужно что-то делать. Убедить себя, что это бред.

Мужская компания – вот что нужно. От проблем в личной жизни помогают пиво, дружеский треп о машинах, спорте, вообще за жизнь. Он уже знал это. Проходили.

Только вот где найти в это время себе собеседника-собутыльника? Будний день, рабочее время... Нет, он, конечно, отправляясь сегодня на прогулку, продумал несколько вариантов, кого было бы неплохо повидать, но основной упор в его плане делался на короткие набег типа «Привет! Как дела? Как бы нам пересечься?» Сейчас же остро захотелось большего, то есть «пересечься» уже сразу. Он перебрал в памяти своих знакомых, во-первых, подходящих на обозначенную роль, во-вторых, работающих как минимум посменно, а лучше не работающих вообще. Были не пойми кто – или малознакомые, почти чужие, люди или основательно подзабытые личности – короче все не то.

А потом он вспомнил про Русика Казаченко и понял, что в данных обстоятельствах лучше кандидатуры ему не найти.

Русик был фотографом и оператором. Зарабатывал тем, что снимал свадьбы, всякие юбилейные вечера, детские утренники. Иногда его голос звучал в какой-нибудь местной рекламе – тоже, несомненно, собственного производства. Для души же Русик занимался с девушками: фотографировал их, составлял портфолио и крутил романы. Вел этаким легким, близкий к богемному, образ жизни, адаптированный под провинциальный город. Вообще-то Руслан и Игорь, если разобраться, были людьми из разных миров и познакомиться могли лишь благодаря очень неординарному случаю.

Был ли случай, сделавший их соседями по лестничной клетке, неординарным, сказать теперь уже сложно.

Пока Игорь добирался до дома Русика, он прокрутил в памяти некоторые памятные моменты.

Первая съемная квартира, эйфория от свободы после двадцати одного года житья с родителями...

Сосед по площадке. Худощавый невысокий парень с татуировкой на все плечо, мелированными волосами и настырно отращиваемыми бакенбардами...

Музыка, бьющая энергичным ритмом за стеной, другие отвлекающие звуки эротического происхождения, проникающие сквозь тонкую бетонную переборку...

Квартира соседа, обставленная кое-как, и убираемая только из жалости какой-нибудь его знакомой девушкой. Пустой холодильник, мятая разбросанная одежда, но при этом весьма дорогая камера, отношение к которой в высшей степени трепетное и аккуратное...

Коньяк или красный портвейн свободными вечерами и обсуждение самых разных идей...

Ничего так было время!

А потом одна из Русиковских моделей по имени Юля познакомила его с будущей женой Настей. Но это уже случилось, когда место жительства пришлось сменить...

Он не видел Руслана уже давно, но в том-то и была особенность этого человека, что время не имело значения. На прошлой неделе или в прошлом году – от него можно было ожидать одинаково искреннего приветствия и готовности пить. Именно поэтому Настя не очень его жаловала, хотя, если разобраться, без Руса они не познакомились бы.

Игорь прошел больше половины пути к последнему месту обитания Казаченко, когда увидел на стоянке нового офисно-торгового центра Костиного шикарного «американца». То, что машина именно друга детства Кости Третьякова, он не сомневался, даже номера можно было не глядеть – такой кремовый «Крайслер» был в городе один.

Игорь посмотрел на сверкающее стеклом здание. Значит переехал Костян... Стоит поздравить, раз подвернулся случай. Русик никуда не денется.

Он вошел через автоматически разехавшиеся перед ним двери и поискал в холле информационный стенд. «ТреК-сервис» располагался на последнем, шестом этаже. Астахов смущенно бросил взгляд на себя в зеркало, не увидел там ничего недостойного, и вошел в лифт.

Поднялся, оболтус, однако! Офис, магазин, мастерские... Кто бы мог подумать! А ведь русский язык у меня списывал и с биологии сбегал, «Легенду о динозавре» из под кресла в кинотеатре смотрел и за хулиганом Пыхычем с плачем бегал, умоляя шапку вернуть... Неисповедимы пути, что называется...

Игорь прошел по коридору, еще наполненному ароматами новых отделочных материалов, приблизился к солидной вывеске, в названии которой так нескромно красовались первые буквы фамилии и имени его школьного друга, потянул на себя ручку двери...

Загорелая до смуглости брюнетка за стойкой из стекла и пластика подняла на него глаза.

– Могу я видеть Константина Андреевича? – Имя в сочетании с отчеством (он с трудом вспомнил отчество) звучало совершенно непривычно, но иначе его могли и не понять.

– Сейчас он где-то в здании, а вообще он собирался в банк. Но перед отъездом должен еще зайти. Можете подождать, – она указала на роскошный кожаный диван.

– Да нет, спасибо. Я немного осмотрюсь там, – Игорь кивнул на дверь, через которую вошел. – Может быть, и встречу его.

Уговаривать его не стали.

Игорь прошелся по этажу, поглядывая, кто здесь поселился. Увидел выход на балкон, не отказал себе в удовольствии посмотреть на город с новой точки. Высота была не такой уж большой, но окрестные улицы просматривались замечательно.

Это был уже другой город, вернее другое его лицо. Не такое, как ночью из окна его дома, не такое, которое видишь по пути на работу. И не такое, как то, что он увидел в тумане пару-тройку часов назад. Не сказать, что высота в 6 этажей что-то уж так сильно изменила, но в центральной части города высокие здания были редкостью, поэтому Игорь оглядывался с легким любопытством.

Неба стало больше, исчезло ощущение капкана серых стен, невыносимо давящих порой, особенно в пасмурную погоду. Очень даже активными действующими лицами стали голуби, кружащиеся между домов и деревьев, спускающиеся на землю и вновь взмывающие ввысь. С высоты открыла свой лик церквушка, что пряталась среди огромных кленов на соседней улочке и изогнутая лестница, ведущая к ней. Стали четкими все элементы внешней архитектуры – все эти фронтоны, лепные украшения, резные карнизы, ну и... куча других вещей, названия которым Игорь не знал и никогда не стремился узнать. Совсем рядом оказались тихо гудящие провода троллейбусной линии, и антенны на крышах домов. В окно мансарды дома напротив можно было буквально заглянуть.

Зато люди и машины сделались меньше. Игорь посмотрел вниз, на ползущие по дороге маршрутки и авто, на маленькие фигурки пешеходов на тротуаре и...

...и увидел, как кремовый «Крайслер» Кости невозмутимо вырывается со стоянки.

5. Планка

Не везет. Мне сегодня просто не везет. Такое случается. Элементарно нужно набраться терпения и не принимать близко к сердцу то, что происходит.

Эх, только бы Русик был дома...

Русик дома был. Мало того, он распахнул дверь через секунду после звонка. Мало того, он сразу пригласил старого приятеля войти, но вот только радость застряла в горле Игоря.

Казаченко выглядел плохо. Более впечатлительный человек мог бы сказать ужасно. То ли он только что вышел из запоя, то ли... запой вышел из него. Опухшая физиономия, взлохмаченные волосы, красные глаза с то и дело дергающимися по сторонам зрачками. Какой-то бесформенный заношенный халат и чудовищные зеленые шлепанцы.

Он провел Игоря через захлавленную прихожую, ткнулся на кухню, но передумал, выбрал гостиную. Это было, действительно лучше, потому что с кухни несло чем-то резким, кислым и химическим. Они разместились в давно не убираемой комнате, за журнальным столиком на тахте, не такой уж старой, но основательно затертой. Несколько журналов, две пустых и одна початая бутылка пива, полная окурков пепельница, обертки от чипсов и орешков – все эти предметы заполняли исцарапанную, а местами и прожженную, лакированную поверхность и были еще одним штрихом к картине общего упадка. В соседней комнате, завешенной шторами до состояния сильного полумрака, бормотал телевизор. Едва они сели, бормотание исчезло, и хриплый женский голос с тоскливой надеждой спросил:

– Это Макс пришел?

– Нет! – громко и раздраженно ответил Руслан.

Телевизор снова обрел звук.

Полупустая бутылка пива забулькала в горло хозяина квартиры, делаясь еще более пустой.

– Фигово? – не зная, как начать спросил Игорь.

– Ой, не то слово.

– Повод?

– Жизнь, Игореня – самый серьезный повод. Эта гребаная жизнь, которая одним дает все, а другим – ничего.

Бросив короткий взгляд в сторону темной комнаты, Руслан извлек из неприметного черного пакета, что валялся сбоку тахты, маленькую, на треть литра, бутылку с пивом и протянул Астахову. Видимо, бутылка предназначалась той телезрительнице, но... планы изменились.

– На-ка вот.

После короткого мига сомнений, Игорь щелкнул пробкой.

– Черная полоса? – осторожно поинтересовался он, делая первый глоток. Что-то в Руслане было сегодня такое, что делало общение с ним неприятным и даже пугающим.

– Ага, одна сплошная черная полоса.

– Так не бывает.

– Да ну!?! – Руслан метнул на Игоря тяжелый проникающий взгляд, который к счастью длился недолго. – Это смотря что иметь в виду.

– А ты что имеешь в виду?

– Планку.

– Чего?

– Планку, выше которой... – окончание мысли он выразил энергичным мотанием головы.

Игорь молчал, чувствуя себя более чем неловко. Пиво было теплым и невкусным, старый знакомый – странным и непредсказуемым.

– Моцарт и Сальери. Знаешь, ага? У одного не было никаких ограничений, у другого – планка. И как не рви задницу, как ни работай, ее не преодолеть. Я – человек с планкой. И нас таких... – он выколулал из порванной обертки половинку орешка и отправил в рот, – До фига и больше.

– Ну, раз нас так много, может с этим смириться и все дела?

– Нас? – Руслан задумчиво почесал затылок, хотел что-то сказать, а потом запнулся.

– Понимаешь, – продолжил он, морщась, то ли от пива, то ли оттого, что вынужден рассказывать это, – для меня это была цель и смысл жизни – стать знаменитым. Стать звездой. И я шел по этому пути, а потом прозрел.

– В каком смысле?

– А вот смотри, – Казаченко пихнул в сторону Игоря журнал. – Что ты видишь?

– Журнал, где много фотографий. Светская жизнь, новости кино и тэвэ. Реклама. Ну и все в таком духе.

– Открой последнюю страницу. Список. Тех, кто сделал этот журнал. Знакомые фамилии есть?

Игорь прочел колонку, где были упомянуты редакторы, фотографы, журналисты. Фамилия «Казаченко» там не значилась, вот все что он мог сказать по этому поводу.

– Не понимаешь? Ладно, плохой пример. Представь... Кино. Фильм. Титры. Там заголовочек такой «В эпизодах». И список людей. Актеров. Но знаем ли мы их? В лицо, по фамилии? Конечно, нет! А их много. И это тоже люди, которые стремятся к чему-то такому... Известности, популярности... Шанс свой ловят... А ведь девяносто с лишним процентов из них так и останутся «эпизодчиками». Официантами, посыльными, лицами из толпы... секунда, ну минута в кадре. И все. Это, Игореша, и называется планка. Планка. Карма. Кармическая планка, – пальцы Руслана затарахтели по столу. Лицо оставалось неподвижным. – Идем дальше. Музыканты. Какой музыкант не хочет популярности!? Мегапопулярности! Ну, и многие ее добьются? Я даже не о новичках говорю. Вот группа какая-то чего-то достигла, ее знают. Ее знает определенный круг лиц в определенном городе. А дальше? Дальше! А фиг дальше! Один из десяти сможет пройти в следующий раунд. А может из ста... А остальные, если не бросят, останутся лабухами... или крутыми рок-н-ролщиками, записавшими к десятилетию группы дебютный альбом. А-фи-геть!

– Но это жизнь, дружище, – попробовал осторожно возразить Игорь, – Фортуна. Идущие в шоу-бизнес прекрасно знают все шансы на игровом столе.

– Нет, Игореня, – предельно серьезно выцедил Рус. – Это не совсем так. Это всеобщее известное и возможно культивируемое некими группами миф.

– Какой еще миф? Какими группами?

– Какими – не знаю. А миф... Миф о равенстве шансов, о рулетке, о покере, о всем таком...

Игорь с трудом сдержал реплику о том, что все это чистый бред. Счел за лучшее промолчать.

– На вершину вылезут не те, кому повезет, а те, кому это позволят.

Не выдержав, Игорь хохотнул:

– Тю! Тоже мне открытие сделал! Это «волосатой лапой» называется. И не только в шоу-бизнесе.

– Епт! Никакая «волосатая лапа» не протащит выше планки. Пойми ты!

– Руся, не грузи его своей планкой, – донесся из другой комнаты женский голос, – Позвони лучше Максусу, спроси, когда он, наконец, придет?

– Позвоню. Отстань. – Руслан неожиданно сжался, наклонился над столом и принялся раскачиваться взад-вперед. – Я не могу так жить. Эта черта, эта планка, она не дает мне дышать как я хочу. Так вот – хоп! Упала! Давит на плечи...

Игорь понял, что больше не выдержит этого бреда. Но еще раз попытался...

– А что если самому поднять эту планку?

– Или сломать...

– Да. Или сломать.

Руслан неожиданно поднял голову и посмотрел Игорю в глаза. В его взгляде было столько всего, что Игорь вздрогнул.

– А я этим и занимаюсь, между прочим.

Он засмеялся каким-то нервным дребезжащим смехом, потом снова опустил голову, словно на поверхности стола лежало что-то, что требовалось внимательно изучить. С трудом выждав несколько дипломатических секунд, Игорь посмотрел на часы.

– Извини, я пойду. Еще много дел.

Он поднялся, поставил недопитую бутылку на стол.

Руслан остался на месте, бормоча что-то себе под нос. Кажется, он и не пошел бы провожать Игоря, но тут в прихожей раздался звонок. Женщина Руслана запричитала что-то снова про какого-то Макса. Диван закрипел, сообщая, что не совсем вменяемый приятель Игоря направился открывать дверь.

С напряженным полноватым блондином они обменялись взглядами в дверях. Тот, кого называли Максом, остался, а он облегченно нырнул в подъезд, не утруждая себя прощениями. О своих весьма неприятных предположениях, про то, что Рус стал наркоманом, он старался не думать.

6. Путешествие в прошлое

Порой Игорь жалел, что в его городе нет реки. Реки или моря. Но море это, конечно, здорово – открытая линия горизонта, облака над водой, корабли и чайки, и запах соли, и все такое – красота и романтика – но море полностью поменяло бы облик города. Может, и в лучшую сторону, но все равно этого не хотелось. А вот река... Это было бы лучше. Так чтобы она протекала из края в край и всегда можно было по пути с работы зарулить к берегу, постоять у кромки воды, расслабиться после трудного рабочего дня или каких-то личных неурядиц, привести чувства и нервы в порядок, отдохнуть душой, подумать, помечтать... Так чтобы это была большая и сильная река, похожая на те, что бегут на севере. Впрочем, маленькая и юркая, какими обычно бывают южные реки, тоже подошла бы. Два берега реки соединял бы мост, и не один, наверное. На мосту назначались бы свидания или просто прогуливались люди. Прогуливались и смотрели на бегущую воду, пытаясь соотнести свою суетную жизнь с бегом реки, реки, которая была до них, есть сейчас и будет после.

Но реки в городе не было, как не было и моря, и озера, только водохранилище за восточной границей города, куда просто так не попадешь и не подъедешь. Зато вот мост имелся. Железнодорожный. В смысле не тот, по которому ездят поезда, а тот, который проложен над железнодорожными путями. А за мостом располагался старый район города, прозванный в народе Завокзальным. Название не очень соответствовало действительности, вокзал от этого района находился довольно далеко, но еще в детстве Игорю рассказали – он уже не помнил, кто – что если посмотреть с крыши самого высокого здания города, то Завокзальный район как раз и виделся за вокзалом. Так что, доля правды тут присутствовала.

Самая первая любовь Игоря жила в этом районе. Самая первая, еще школьная. Девочка Тамара, с которой он познакомился на спецкурсах по английскому языку. Он провожал ее после занятий почти через весь город, и они вместе стояли на мосту. Хотя мост если по честному – это громко сказано, так... мостик. Но, тем не менее, для детворы... Мост и никак иначе. И вот они стояли на мосту, а внизу под ними блестели в лучах солнца рельсы и время от времени выстукивали свою привычную песнь поезда.

Первая любовь... Это что-то такое чистое и наивное, такое сильное и беззащитное, запоминающееся на всю жизнь и вместе с тем что-то основательно забытое. Потому что никогда потом первой любви не суждено повториться.

Робко, очень робко, Игорь посчитал, сколько лет минуло с тех пор, как они с Тамарой держались за руки и десантировали парашютики одуванцев на крыши пригородных электричек. Вышло почти шестнадцать лет. Эта цифра холодным жгутом сдавила грудь. Как много! Стало страшно. Страшно от силы времени, от его неизбежности, неотвратимости. В голове воспоминания всегда такие близкие, яркие, словно красивая игрушка, а извне... полностью рассыпавшиеся балясины, изъеденная ржавчиной проволочная сетка, сломанный фонарь. И руки... Руки совсем не того мальчишки касаются всего этого. Эх, время...

Фигура странного задумчивого мужчины, что-то шепчущего и поглаживающего давно не крашенные перила железнодорожного моста, спугнула юную (такую же юную, как пятнадцатилетние Игорь и Тома) парочку, расположившуюся поблизости. Игорь не заметил их, что было, видимо, и к лучшему – не представляло труда накрутить себя очередным примером, что, мол, все его сторонятся. Он прошел на середину моста, чувствуя, как железобетонная конструкция излучает тепло, что успела вобрать в себя за несколько часов ясного сентябрьского дня.

Игорь постоял еще, пока абстрактные философские мысли о приходящих и уходящих составах не обрели конкретику. Представилась Вика, уезжающая навсегда из города, вспомнились многие из друзей, кто отправился искать счастья в чужие края. И не важно, что, скорее всего, не это направление было их выбором, не под этим мостом проложен их маршрут. Важна суть, а не конкретные детали...

Хотя такая деталь, как рельсы, воспетая с песнях и книгах ... Отполированные тысячами поездов, миллионами, если не миллиардами колес, вобравшие ауру неисчислимого количества людей, перемещающихся по ним... Это уже не просто деталь, а нечто символичное и культовое.

Игорь пересек мост и побрел вглубь Завокзального района, вспоминая, как все было здесь тогда, много-много лет назад.

Вот в некоторых случаях говорят: «Тут так все изменилось!», а иногда «Здесь все по-старому». То есть все однозначно. А бывает иногда так, что верно и то, и другое. Часто, надо признаться, бывает. Вот насчет Завокзального района как раз нельзя было сказать однозначно. То есть объективно – да, старые двухэтажные дома, из которых и состоял этот район, обросли пристройками, гаражами, заборами, на улицах появились ларьки и красочные вывески, на дорогах – новые машины. Небо затянула сеть проводов самого разного назначения. Но взглядеться в душу района, проникнуть за внешнюю маску – и там все, как и прежде. Окраинный непрестижный район, кому-то тюрьма, а кому-то тихая заводь.

И столько всего напоминает о прошлом...

Игорь дошел до переулочка, нырнув в который, можно было сразу оказаться перед домом Тамары, обычно он провожал ее именно до этого места. Напротив рос тополь, а на втором этаже

соседнего дома играла музыка. Не всегда, но очень часто. Хорошая музыка играла, в общем-то. И было приятно стоять еще какое-то время с Томкой в тени этого тополя под эту музыку. Стоять и неловко целоваться. Впрочем, а взаправду ли были те поцелуи или Игорь себе их нафантазировал? Все-таки времена были не те, что сейчас. Пятнадцать лет тогда – это было маловато для открытого проявления чувств. Но нет, целовал он ее, точно, Игорь помнил. По крайней мере, в щечку. По крайней мере, один раз.

Интересно, где сейчас эта девочка с двумя хвостиками, что с ней стало? На этот счет у него не было ни малейшего представления. Их пути разошлись, как расходятся пути многих людей, и никакой волшебной ищейке не отыскать следов...

Может быть, она даже по-прежнему живет в своем старом доме. Может быть, среди детворы, что бредут сейчас с портфелями со школы на том конце улицы, есть и ее дети. Может быть, из этого переулочка несколько часов назад Тома вышла, отправляясь на автобусную остановку... Кстати, отдельный вопрос, узнал бы он ее или нет?

Тамара здесь, она живет нормальной жизнью и у нее все хорошо.

Почему-то сердце сразу отвергло этот вариант. Нет, с ней все вполне могло быть хорошо, но не здесь. Не здесь, это точно.

Тополя больше нет, и музыка не играет...

Интересно, а что было бы, если вдруг... ну вот вдруг... звезды расположились бы так, что они навсегда связали бы свою жизнь? Конечно, конечно, это невозможно, миллион причин почему это невозможно, да и вообще если вдуматься... Как звезды могут расположиться иначе? Они же там, в космической бездне, всегда на одних и тех же местах. Это планеты Солнечной системы могут появляться то в одном, то в другом месте, а звезды нет. Но так говорят...

И вот если бы звезды все-таки смогли расположиться иначе, и Игорь с Томой были бы вместе... Как это выглядело бы бы?

А, впрочем, он знал как.

Иногда ему попадались пары, даже живущие по соседству, в его подъезде, на его лестничной площадке – не старые, совсем не старые, как раз наоборот, но такие... тихие, неприметные, бесцветные. Они вели такой затворнический образ жизни... В их жилищах не собирались шумные компании, они не утомляли соседей бесконечными ремонтами, они не ссорились ни с окружающими, ни между собой, даже телевизор или звонок телефона никогда громко не подавал у них свой голос. Про них ничего не знали и они не стремились о других что-то узнать. Они уходили на работу, возвращались... незаметно. Не напоминая о себе. До того, что начинаешь думать, а живет ли вообще кто в той квартире?

Тихони, невидимки... Очень ценное качество для соседей, но какое-то аномальное с точки зрения современного молодого человека. Игорь не особо понимал такую жизнь, но ничего смертельного в этом не видел и сразу почему-то подумал, что связи его судьба с Томой, их жизнь была бы такой незаметной и спокойной. Чтение книг, совместные походы на рынок, прогулки в парке, изредка визит к кому-нибудь в гости. Никакой страсти, никаких пылких ссор и примирений, рутина, болото. Тихое и мирное семейное болото.

Вот такая вот была бы жизнь, и не нужно спрашивать, откуда все это придумалось. Игорь и сам не знал.

Он продолжил путь по Завокзальному району и чуть дальше, на пересечении двух узких улиц увидел старую телефонную будку. Она сразу привлекла его внимание, можно сказать очаровала. Это было как привет из прошлого – массивная красно-желтая железная конструкция с закругленными по углам окнами, исписанная, исцарапанная, с одним лишь живым стеклом, с полочкой внутри и пыльным толстым проводом над крышей, уходящим куда-то наверх. Из других районов такие штуки уже давным-давно исчезли, вместо них появились прилепленные на стенах козырьки, а тут перед глазами было напоминание о днях минувших, экспонат родом из того времени, что и автоматы по продаже газировки, что и... девочка Тамара. Сам телефонный аппарат тоже был старый: присутствовали кругляшок номеронабирателя, табличка с запомнившимися на всю жизнь «01», «02», «03», «04», вот только вместо щели для памятных «двушек» Игорь разглядел прорезь для карточки.

Карточка у Игоря была...

Тяжелая дверь устало скрипнула и неохотно пустила посетителя внутрь. Не особо надеясь, что ему повезет, Игорь снял с рычага черную трубку и приложил к уху.

Гудок был. Значит...

Маленькая записная книжка, старая и потрепанная. Он не представлял, что она понадобится, просто нашарил в верхнем ящике стола утром и сунул в карман. На всякий случай. Ну, вот... случай представился. Вернее, не то, чтобы он представился – можно было целенаправленно взять блокнот, найти телефон-автомат, если уж очень хотелось соответствующей атмосферы, и заняться обстрелом старых координат. Просто... Так сложились обстоятельства, случай представился не вообще а сейчас, именно в эту минуту и...

Как-то вот, если не воспользоваться этим случаем, то дальше ведь все... Все!

Игорь, конечно, мог бы поступить иначе – вернуться домой, поесть, отдохнуть, подождать пока откатится подальше этот неудачный день, а через какое-то время попробовать снова – кому-то позвонить, назначить встречу, сходить в гости... Но он не мог так поступить. Не мог остаться при том, что имел сейчас. Просто не мог и все! Это чувство брошенности, ненужности, примеренная роль изгоя, которого все сторонятся... Это все так давило на психику, этого нельзя было оставлять так, а то в конечном итоге получишь глубокую депрессию или еще чего похуже. Так игрок в карты, которому не везет, раз за разом пытается переломить судьбу, он не может встать из-за стола, не одержав хоть маленькой, но победы. Так и Игорь сейчас. Ему нужен был хоть кто-то, с кем можно поговорить, поделиться тревогой, хотелось побыть в чьей-нибудь компании. Вот тогда сегодняшний день скрасит хоть что-то.

Он стал ворошить прошлое. В прямом и переносном смысле. Записная книжка легла на полочку, на ее страницах древними иероглифами застыли номера телефонов забытых друзей детства, одноклассников, однокурсников, родственников. Игорь вздохнул и начал по алфавиту.

Он набрал первый номер, второй, третий, десятый... Ему никто не мешал – времена, когда уличные таксофоны были чрезвычайно востребованы, давно миновали. Но...

Ему снова не везло.

Телефоны молчали, или огрызались автоответчиком, где приглашали оставить сообщение незнакомые голоса, или ему сообщали, мол, такой-то, или такая-то, здесь больше не живет, где искать не знаем. В одном месте поинтересовались, кто спрашивает и что передать. Еще в одном... его захотели увидеть.

Этот сюрприз преподнесла ему одна из подруг юности по имени Катя.

Как же он был рад этой малости, знакомому голосу, простым словам:

– Я собираюсь через полчаса погулять с дочкой у нас в парке. Приезжай.

7. Пусть сдохнут те, кто нас не захотел...

В автобусе Игорь сел у окна. Свободные места были еще несколько остановок, потом люди заполнили салон, и осталось всего одно посадочное место – рядом с ним. Игорь не сразу понял, что в этом что-то не так, даже предложил присаживаться молодой девушке с каким-то объемным свертком. Но девушка вежливо, не глядя в глаза, отказалась. Игорь посмотрел – не испачкано ли вдруг сидение, потом понял, что дело вовсе не в сидении. Дело в другом. В обманчивом комфорте и подавленном настроении он проехал еще две остановки и вышел. Обернувшись в дверях, он увидел, что девушка со свертком уже уселась на его место у окна, а рядом с ней оказался мужик в красной кепке.

Холодная пустота зашевелилась под ребрами.

Но все-таки в темном царстве сиял луч света, не все было потеряно и Игорь, как мог, цеплялся за эту мысль. Не всем он безразличен, не все его избегают. Катя захотела с ним встретиться. И это ведь здорово! Он испытывал когда-то к Кате сильные чувства, и какая-то теплота осталась, не смотря ни на что. Он даже начал всерьез думать, не купить ли ей цветы по

случаю встречи, но... не купил. Во-первых, для этого нужно было сделать изрядный крюк, а Игорь не хотел опаздывать. Во-вторых, у Кати был муж и ставить ее в неловкое положение перед ним не хотелось. Он просто заторопился по тенистой улице к обозначенному месту.

Катя была девушкой из «до-Настиного» периода, из такого периода, который... ну, в общем, был посередине...

Вот если взять какого-нибудь среднестатистического парня, то его отношения с девушками подвержены неким закономерностям. Они похожи на... в общем, на такой процесс, в начальной точке которого – первая любовь, в конечной – брак. А между – поиск, простор выбора, иногда игра, чувства и все такое. Короче, жизнь.

Нет, конечно, есть и такие, кто вступает в брак, едва это позволяет законодательство, есть холостяки по жизни, есть ловеласы, которые вообще не представляют себе постоянных отношения с противоположным полом. Но это крайности. А где-то посередине между крайностями все остальные. В течение юности они находятся в поиске, встречаются с одной, с другой, третьей, потом на какой-то девушке что-то переклинивает и возникает мысль: «А вот теперь пора и жениться, пожалуй». И парень такой становится мужем (ну или его делает мужем его подруга). Может быть, ненадолго, может быть надолго, у особо удачливых (или неудачливых – это как посмотреть) личностей – навсегда. Это уже дело десятое.

Так вот между двумя крайними точками с этим среднестатистическим человеком происходят две среднестатистические вещи. Во-первых, появляются мысли об устройстве совместного быта, образовании семьи, вначале робкие, а потом все более существенные. Во-вторых, меняется взгляд на девушек в плане внешности. Вначале, когда ты принадлежишь, как правило, какой-то компании тебе очень важно мнение этой компании о твоей девушке, и ты стараешься сделать так, чтобы девушка у тебя была стройная, красивая, модная, в общем, что надо девчонка. Но со временем это уже перестает быть важным, приходит понимание, что не красота главное, а то, что внутри. Характер и... излучение какое-то. И когда ты попадаешь в зону этого излучения, то тебе глубоко наплевать, что у нее маленькая грудь или нос картошкой.

Катя была девушкой, на которой проявились обе эти вышеозначенные вещи. Она не была красавицей, и, встречаясь с ней, Игорь впервые задумался о быте и семье.

И о ребенке.

Ему тогда был 21 год.

Катя хотела семью. Она знала... Знала своим каким-то женским чутьем, которое не понимают и не принимают мужчины, что ее цветение будет коротким. Она любила сильно, безоглядно, порой навязчиво. Но еще и хотела обязательств...

Игорь не смог так. Не был к этому готов. Испугался. Не захотел...

Через какое-то время Катя нашла себе мужа. Игорь ничего про этого человека не знал, даже имени. Просто однажды они встретились на стоянке торгового центра. На ее руке было обручальное кольцо, за спиной погружал покупки в старенькую иномарку деревенского вида усатый парень, а под платьем у нее было округлившее пузико. Они улыбнулись друг другу, сказали классическое «Привет-Как-дела» и обменялись визитками. Вот и все.

Игорь на миг замедлил ход перед стендом, где были расклеены афиши и объявления. Почти залепленная более свежими листовками с краю белела афиша какого-то театра, и в заголовке стояло «Ре... МАЙ». Клок отсутствовал, но и так все было ясно: «Репертуар на МАЙ».

Старая афиша отчего-то так кольнула сердце...

И вспомнилась лавочка под городским театром, афишная тумба, солнце, Катька и... И май, конечно же. Волшебный, пахнущий сиренью, май.

Да... Сирень, аромат ее волос, запах кожи... Вкус и мягкость губ, теплота нагретой солнцем джинсовки... Полный желаний взгляд... Глаза бездонные, подсвеченные изнутри... Не объяснить, как сходят с ума, как теряются во времени, и как та, что рядом, становится самой прекрасной девушкой на свете и плевать на какие-то там внешние недостатки. Не объяснить. Так, чтобы стало понятно, не объяснить...

– Ну, как у тебя дела?

– Отлично. Я всем довольна. Мы с Мишкой купили квартиру, сейчас заканчиваем ремонт. Он хотел машину сменить, но решили – сначала ремонт, а потом возьмем что-нибудь новое в кредит. Ты как считаешь – немца лучше или японца?

– Даже не знаю...

– Я вообще-то за Европу, но... Впрочем, до этого еще долго, тут еще одно событие назревает, – она погладила себя по животу и только сейчас Игорь обратил внимание, что это не просто полнота. Катя была беременна.

– Не заметно? Третий месяц идет... У тебя-то самого есть дети? Нет? О, знаешь, Игорек, какое это счастье!?! Моя Ксюшка такая прелесть. Теперь я вот о сыне мечтаю... А ты что же?

– Я развелся два года назад...

– И детей не было? Что же это за семья-то, когда карапуз по полу не бегает... Нужно менять свою жизнь. Испытать все эти чувства – это так важно...

– Так вышло, – задумчиво отозвался Игорь. Он очень не любил, когда ему начинали давать советы, когда убеждали в том, что он что-то должен изменить в жизни. Пойти в спортзал, сменить работу, найти невесту, стать отцом. Тем более если все это изливалось из уст малознакомого человека, в начале общения. Должен, должен... Кому и зачем? Ну, почему нельзя просто принять человека как есть, обойтись без наставлений и советов?

– Ребенок скрепляет семью, – поучительно провозгласила Катя, и Игорю стало совсем скучно. Знал он женщин, весь мир которых после рождения ребенка сужался до размеров этого самого крохотного существа. Для ребенка при адекватной матери это было замечательно, а вот для нее самой и остальных...

– Ребенок усложняет развод, – как-то произвольно и, по сути, беззлобно огрызнулся Астахов.

Катя пристально посмотрела на него. Посмотрела как-то по-особому... Ему стало неудобно под этим взглядом. И еще более неудобно ему стало от ее вопроса.

– Ты не жалеешь, что мы не вместе?

Что он мог ответить? Из вежливости к единственному человеку, согласившемуся на встречу, сказать «иногда»? Или честно-откровенно выпалить «Никогда про это не думал»? Или уклониться от ответа? Или театрально соврать? Жалеешь... Да он и сам не знал. С одной стороны – чего тут жалеть? Банальная семейная жизнь. Постоянная забота о детях, весь мир вращается вокруг них, и нет больше ничего из того, что составляло образ человека раньше. С другой – а что у него есть сейчас, ради чего следовало бы жить? Сейчас, а в особенности сегодня.

В общем, он не солгал. Его ответ был: «Не знаю».

Маленький скверик меж двух расходящихся под острым углом улиц заманил его видом вечернего города и умиротворяющим шелестом листьев. Игорь плюхнулся на единственную покосившуюся лавочку и задрал голову ввысь, где покачивались на ветру ветки клена и между трепещущих пятипалых листьев проглядывало голубое с закатной розовинкой небо. Легкий сентябрьский ветерок, не жаркий, и не холодный взъерошил ему волосы, побежал по шее. Будто живое существо прикоснулось, обняло, пытаясь успокоить. Но не так-то просто было сегодня успокоить Игоря Астахова.

Разговор с Катей все еще прокручивался в мозгу. Она... Она встретила с ним лишь затем, чтобы уколоть его, чтобы ему было завидно, чтобы он пожалел, что не выбрал тогда ее. Ее, такую замечательную хозяйку, заботливую мать, мудрую женщину, знающую как сделать мужчину счастливым. Не выбрал... И про то, что он с Настей развелся... Да, знала она об этом, все таки были кое-какие общие знакомые, а за два года слухи до кого угодно докатятся! Женская месть... Ну, может, не месть, но что-то в этом роде.

«Пусть плачут те, кому мы не достались и сдохнут те, кто нас не захотел!»

Великолепно!

Он представил, как жила она, Катя, и думала, что вот, мол, все равно, придет этот день, позвонит Игорь, или встретится ей на улице, и уж она расскажет, как у нее все здорово сложилось, какая она молодец, и какой же дурак этот Астахов, что не разглядел, не оценил такое

сокровище. Дождалась. Рассказала. И для нее этот день – долгожданный и удачный. А для него – последний гвоздь в крышку гроба.

Игорь больше не хотел ни о чем думать. Он поднялся с лавочки и зашагал туда, где пять минут назад приметил открытый бар.

8. Намек на тайну

– Смотри, наш товарищ!

Игорь услышал эту реплику, брошенную в его адрес, одним из алкашей, что пристроились за кругом света кафе, на парапете. Услышал, но понял ее по-своему. В рюмке его была водка, вот и «наш товарищ».

– Да не, еще не наш. У него еще есть шанс. Последний.

– Та! Если ты сразу не разобрался, что и как, то уже все.

– Жорик, не суди людей по себе. Я до последнего... искал...

– И чего? Помогло? Когда уже чувствуешь запаздывание... Позняк метаться!

Игорь среагировал на знакомое специфическое слово – «запаздывание». Оглянулся и посмотрел на них. Два мужика. Не сказать, что старые, не сказать, что бродяги. Один повыше, с усами, в мятых штанах и заношенной куртке. Второй – с кучерявой, давно немытой шевелюрой и недельной небритостью, в растянутом свитере и затертых джинсах. Не стесняясь, они пили водку из пластмассовых стаканчиков и закусывали вареной колбасой с хлебом. В кафе, видимо была куплена только водка, да, быть может, сигареты, дешевые и вонючие.

Игорь находился в таком состоянии, что стесняться и брезговать не приходилось. Он тут же подошел, вернее даже подлетел, к мужикам.

– Это... Ммм... – он не знал, как выразить свою мысль, мужики спокойно и грустно взирали на его попытки высказаться, – ну... скажите, что вы про меня говорили?

– Ничего не говорили, – сказал тот, что повыше. – Вам показалось.

– Пожалуйста, объясните, – Игорь понимал, что выглядит глупо, и говорит ерунду, но отступить было поздно, – объясните хоть что-нибудь.

– Не понимаю, о чем он, – Усатый посмотрел на собутыльника, – Федюнчик, а ты?

– Да ладно, Жорик, вишь парень мучается.

– Ну, так, а я что могу сделать? – он покрутил в руках полупустую бутылку и сказал тихо, не поднимая глаз, – все мы мучаемся, а потом привыкаем.

Игорь расценил жест Жорика как своеобразную торговлю.

– Ребята, выпивка с меня сколько надо.

– Выпивка, – мечтательно протянул Федюнчик, но кореш его обрезал.

– Да при чем здесь это, – он поставил бутылку на парапет, – мы действительно ничем тебе не поможем. Ты должен сам понять... найти...

– Что!? Ну, скажите! Что?

– Ну... Что-то... Что-то, что ты должен был догадаться сделать и не сделал, забыл.

– А что именно?

– Откуда нам знать. У каждого это свое. Своя... миссия. О!

– И если я это найду, все будет как раньше? Ко мне вернутся друзья, меня будут замечать?

Жорик ухмыльнулся:

– И это тоже. И еще много чего. Наверное. Мы не знаем.

– Не знаете?

– Ага. У нас ведь не получилось... найти.

Игорь осознал, что вот сейчас уж точно «без поллитры не разберешь».

– Ребят, подождите меня, ладно!?

Он почти побежал к барной стойке, где сделал бармену заказ на бутылку водки, какую-то закуску, бутерброды, сок. Все это оформлялось долго, он нервно поглядывал в ту сторону, где

остались эти странные люди, знающие явно больше, чем говорящие (О, у Игоря к ним было огромное количество вопросов!). К сожалению, он находился в пятне яркого света, а те двое – за его пределами, в темноте, и их не было видно.

Наконец, на поднос водрузили все заказанное. Игорь вспомнил про сигареты, купил две пачки нормальных по его мнению. Потом, лавируя между столиков, направился к тому месту, где сидел. Он уже приготовился позвать этих ребят за свой столик, по-цивильному посидеть и поговорить про всякие странные события и вещи, но обнаружил, что парапет пуст. Сердце похолодело. Игорь завертел головой, вглядываясь в посетителей, затем перемахнул стеночку и оказался на улице. Еще раз огляделся.

Их не было. Лишь тлеющий бычок на асфальте да колбасные очистки, свидетельствовали о том, что это не было сном.

Игорь понуро побрел обратно в кафе, опустился на стул за свой столик и опрокинул в себя первую порцию водки.

Таксист был одним из немногих людей, кто повел себя с Игорем не как с прокаженным изгоем, а как с нормальным человеком. Нормальным пьяным человеком, если быть точнее. Таксист был приветлив и разговорчив. Можно было угомонить себя, что причиной этому были только деньги, которые тот ожидал получить в конце поездки, но Игорь решил, что деньги ни при чем. Просто этот человек, славный малый, один из очень, очень немногих в этом городе, был ему рад. И черт с ним, что это его работа!

Игорь ехал домой. Уходя из дома утром, он не исключал вероятности, что день затянется, что его накроет волной каких-нибудь приключений, он был готов к этому и морально, и финансово... Эта готовность проявилась даже в одежде. Но... такого окончания дня он не ожидал совершенно. Почти час Игорь провел в одиночестве в кафе, иногда в пустой надежде делая прогулку к парапету, и... возвращаясь. Он стал свидетелем зарождающейся драки и съема девиц легкого поведения, рядом шумела не одна компания, но... его никто не затронул, не прицепился, с ним никто даже не заговорил. Он пил и ел то, что заказал для тех двух мужиков – не из жадности, а просто так. А потом встал из-за столика, совсем чуть-чуть прошелся по бульвару, ощущая ватность в ногах и тяжесть в голове, и... взял такси.

За окном жил своей жизнью вечерний город, совсем не похожий на тот, который Игорь наблюдал позавчера с балкона собственного дома. Это был уже взгляд изнутри. Мимо проплывали подсвеченные витрины магазинов, рестораны, бары, просто дома. В магазинах что-то покупали люди, в клубах и ресторанах они отдыхали, общались, возможно, большими компаниями и все были друг другу рады. И счастливы. Ну... так казалось.

Некоторые были счастливы особенно, потому как успели что-то такое найти...

Попав домой, Игорь, кое-как раздевшись, обессилено рухнул на кровать, но едва его тело опустилось на матрас, а глаза закрылись, откуда-то появились характерные «вертолеты», его начало крутить, и он понял, что только действием сможет переломить свое состояние. Действие нашлось самое простое и самое важное. Игорь, сконцентрировавшись, выполз из постели и начал искать. Он не знал, что ищет. Он совершенно не был уверен, что узнает это самое нечто, когда оно окажется в его руках, но продолжал искать, хотя уже через несколько минут процесс этот напоминал погром. Он раскидал все свои зимние вещи в шкаф, перерыл содержимое письменного стола, потом его понесло шариться в старый хлам на антресолях. Мимоходом он снес стопку старых газет с полки, усеяв пол в прихожей несвежей печатной продукцией. Выругался, но не задержался. На балконе разыскал гантели и сломанный кассетник. Затем, чихая от пыли, стащил за чем-то со шкафа коробку с елочными игрушками, в последний раз вскрываемую еще вместе с Настей. Все это сопровождалось какими-то бессвязными речами, перемежаемыми руганью и нытьем. Со стороны пугающая и отталкивающая картинка.

Около часа ночи он выдохся и, наконец, свалился в кровать. Сон его был беспокойным и дерганым. Ему казалось, что в комнате жарко и душно. Игорь несколько раз на мгновение просыпался от каких-то видений и снова проваливался в зыбкую топь беспамятства. Лишь к рассвету, когда с улицы в квартиру полилась свежая и бодрящая сентябрьская прохлада, ему

стало лучше, он встал, посетил туалет, жадно выпил кружку воды, и снова лег, на этот раз задремав легко и быстро.

Ему приснился цветной отчетливый сон, удивительный и странный, как большинство снов.

Он шел по тропинке какого-то заброшенного сада, а, может быть, не очень густого леса. Над головой пылал багровым заревом закат, а чуть в стороне, на бледно-голубой скатерти неба висела белая таблетка луны. Цвета были бесподобные. Пейзаж из-за всех оттенков и переливов было трудно описать словами, можно только ткнуть на подходящую картинку или фотографию и сказать: «Вот! Такое! Только еще лучше».

Тропинка петляла между кустов и деревьев, выходила на полянки, ныряла в овраги и снова ползла на холмы.

И постоянно разветвлялась.

Куда приводили многочисленные повороты-ответвления Игорь выяснил очень скоро. В весьма презанятные места они приводили.

К кроватям.

К постелям.

Придумать такое наяву мог, наверное, не совсем здоровый рассудок, повернутый на символизме или чем-то похожем. Во сне же... А, чего только не бывает во сне!? Вот одна из дорожек кончилась у широкой двуспальной кровати, расстеленной и приглашающей прилечь. Но кроватью дело не ограничивалось. На земле у кровати был расстелен мягкий ворсистый коврик, в метре от него из травы выглядывал носок брошенного тапка. У изголовья, под торшером, стояла тумбочка, на ней лежала раскрытая книга. С противоположной стороны на точно такой же тумбочке лежали несколько тюбиков с кремами. Картинка была реальной. В смысле, все эти вещи были реальными. Игорь покружил вокруг лесной постели, потрогал отогнутый край одеяла, прочел название на книге, дернул шнурок торшера. Торшер неожиданно зажегся, его свет породному упал на подушку и очертил вокруг кустов резкие тени, огораживая домашний оазис от остального сумрачного мира. Это было так необычно! Чуть боязно и маняще. Игорю захотелось прилечь и полистать книгу, пока не придет та, что пользуется лежащими на тумбочке кремами.

А в том, что она вот-вот придет, сомнений почему-то никаких не было.

Но Игорь отправился дальше.

Следующее встреченное им ложе было попроще. Какая-то старая софа, укрытая мягким покрывалом и разбросанными по краям подушками. Торшера и тумбочек здесь не наблюдалось, зато имелся стул, на котором возвышался перекошенный курган из одежды, на вершине которого зацепившись за спинку стула, красовался бюстгальтер совсем не детского размера. От этого ложе пахло страстью, и сердце Игоря застучало сильнее. Простенькая софа притягивала как магнит, хотелось нарастить курган на стуле за счет своей одежды и прыгнуть с разгона на покрывало. Рухнуть на спину, раскинув руки, наглядеться в синее небо с первыми звездами, а потом, лишь на мгновенье прикрыв глаза, сразу ощутить сладкий пьянящий запах Ее тела и вздрогнуть от прикосновения ноготков к голой груди...

Но Игорь почему-то не остался, пошел дальше.

Кровати, диваны, раскладушки, койки – все они были разные, но везде присутствовало одно и то же ощущение – все это казалось родным. Даже странное сооружение с балдахином и подсвечниками, пахнущее восточными благовониями. Даже надувное ложе. Даже брошенный на землю матрас...

Все было родным и живым. Можно было выбрать любое место, сбросить одежду и сомнения и остаться. И еще было чувство, что как только это сделаешь, к тебе придет Она. У каждой кровати Она будет разная, но каждый раз не чужая.

Однако Игорь во сне так и не сделал свой выбор. Он шел по тропе дальше, ожидая чего-то лучшего, особенного, не замечая, что заросли редуют, что кроватей становится меньше, что еще немного и их не станет вовсе.

Шел.

Когда деревья исчезли, он понял, что видит там, вдалеке, легендарную Пустошь В Конце Тропы.

И после этого проснулся.

10. Найди то, не знаю что

Игорь сидел на полу среди разбросанных вчера в приступе гнева вещей и пытался рассуждать хоть немного логически. Получалось это плохо, болела голова, было некомфортно в животе, да и вообще настроение было на нуле. Но, если не взять себя в руки, решил Игорь, то можно вообще распрощаться с... адекватным восприятием окружающего. То есть сойти с ума.

Поэтому... Неспеша... Еще раз. Что у нас есть?

Меня забывают. Не в том плане, что забывают, кто я такой, а в смысле со мной не хотят общаться, видаться, находиться рядом. Меня игнорируют. Словно я какой-то прокаженный или бомж. Я не болен. И психически тоже. В урда не превратился, и вроде с внешним видом у меня все нормально. Тогда почему? За что? Неизвестно.

Что-то я сделал не так? Или наоборот? Я что-то такое не сделал. Что!? Бред какой-то! Все это полный бред! – Его взгляд заскользил по стенам, задержался на телефоне. За весь отпуск телефон практически ни разу не звонил. – Значит, не бред. Ладно! Пусть сегодня будут самые фантастические предположения. Я не совершил какого-то мистического священнодействия. Ага, типа того. Что мы еще знаем? Это что-то, если я хочу изменить свою жизнь, нужно делать срочно, времени у меня практически нет. Оговоренный срок? Нет его, срока. Вернее он неизвестен. Что будет, если я не успею? Видимо деградация личности и один черт знает почему! Как это все будет происходить? Как будет ощущаться час икс? Спросите что-нибудь полегче! Возвращаемся к главному – что мне нужно сделать? То, что я должен был сделать и забыл. Мда... Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что! Вот же ребус! Терпеть не могу всякие ребусы, головоломки! Обозначить у этого ребуса хотя бы четко оговоренные условия. Так нет же! Вариантов – уйма! Важные, неважные... Фантастические, обыденные... Не покрестился? Нет, крещен еще в младенчестве, традиционно. Исповедаться, причаститься, чего там еще... А смысл? Не посадил дерево, не построил дом, не родил сына. Ну... Только с деревом еще можно успеть... Какую-то книгу не прочел? С кем-то забыл встретиться? Родителям в каком-то деле не помог? Кого-то обидел и нужно извиниться? С Настей что-то так и не решил? Или я должен сделать открытие своей жизни, что-то почувствовать? Что именно? В каком месте?

Да это все равно, что иголку в стогу сена искать! Он в сотый раз пожалел, что дал уйти тем мужикам. Они хоть что-то могли сказать...

Может, есть кто-то еще, кто знает. Но как найти этих людей? Все же морды воротят. Прям теория заговора какая-то...

Так... Подумать... А кто не избегал меня? Первой мыслью было: «Все избегали!», но на самом деле были и исключения. Катя и Руслан (был еще вроде таксист, но Игорь мало что запомнил с той поездки). Те, кого сам Игорь с удовольствием обошел бы десятой дорогой. Но... Руслан сказал что-то такое... Он говорил про эту свою «планку» и... засомневался, что такая «планка» довлеет над Игорем. Или это только показалось... Звонить Казаченко с вопросом на эту тему не хотелось до ломоты в руках. Что мог сказать этот наркоман? Да ничего!

Но все-таки... Есть в Игоре что-то, что отличало его от остальных. Может, в каком-то своем пограничном состоянии Рус почувствовал это?

Значит, искать. Искать! Но что?

Голова, и без того тяжелая от вчерашней далеко не лучшей водки, пошла кругом. Ответ должен быть прост! У всех головоломок, как правило, очень простой ответ. Ты узнаешь ответ и хлопаешь себя по лбу: «Точно! Ну, как же я не догадался раньше!» Игорь встал и начал ходить по комнате. Ну, допустим, я потерял какую-то... вещь. Да, вещь. Неодушевленный материальный предмет. Я ее, эту вещь, ищу. Да, в квартире. Если рассматривать как зону поиска весь город, можно однозначно свихнуться. Вот и будем искать тут.

Он начал со шкафа в коридоре, в котором хранился всякий мужской хлам – гвозди, сверла, дрель, старые розетки, электрические пробки. Ничего из этих вещей не вызывало подозрений относительно их причастности к тайне, так же как и заношенная обувь под нижней полкой. В глубине антресолей, куда он не добрался вчера, его привлекли связки старых журналов, оставшиеся от прежних квартиросъемщиков. Прочихавшись от пыли, Игорь перетащил их на светлое место, развязал веревочки и неожиданно почти на час окунулся в прошлое. В его юности тоже были все эти «Пионеры», «Юные техники», «Вокруг света» и «Техника-молодежи». Возможно, у родителей такие же связки лежат на точно таких же антресолях. Возможно, не у них одних – у многих-многих семей от самой восточной до самой западной границы когда-то великой страны. А если не лежат физически, выброшены, пущены в расход, то, просто... остались в памяти. Вещи, наподобие этих журналов – как пароль для тех, кому за тридцать, вместе с мультфильмами, посудными сервизами, мебельными гарнитурами, названиями телепередач, салатом «Оливье», и многим, многим другим.

А значит листать пожелтевшие страницы – не такое уж бессмысленное дело. Может быть, его тайна, или намек на нее, где-то там? Может быть... Но как это найти?

Думать, думать...

Нет, журналы – не то. Но это, чем бы «это» не являлось, нужно было сделать давно, значит, и отыскивать разгадку нужно в старых вещах.

Действуя по этой логике, Игорь не стал искать в местах скопления продуктов и бытовой химии, а так же трогать относительно недавно приобретенные телевизор и музыкальный центр.

Зато платяному шкафу и книжным полкам досталось по полной. И то, и другое перетряхивалось со всем усердием, будто в квартире проводился самый настоящий обыск. Лишь один раз Игорь учинил нечто подобное – когда забыл, куда спрятал свою записку. Впрочем, тогда он четко знал, что ищет, какие есть варианты, тут же... А, да чего сравнивать!?

С письменным столом, разбор которого был начат еще вчера, он чуть не завис так же, как с журналами. Тут было много предметов, за которые цеплялась память, и все тянуло обдумать, прочувствовать, вспомнить. Неожиданно много напоминаний обнаружилось о прежней семейной жизни, хотя уже прошло столько времени... Но Игорь не позволил себе терять время на пустые экскурсии в страну памяти. Решительно опрокинув содержимое ящиков на пол, он провел над ним четверть часа, подвел неутешительный итог и отправился дальше. Тумбочка, комод и даже шкафчик с лекарствами подвергся аналогичному разгрому. Ни над одной вещью сердце не кольнуло, душа не вскрикнула, разум не посетила победная мысль: «Да вот же это!».

Часам к 11-ти Игорь отошел от похмельного синдрома и даже проголодался. Но голод был иллюзорным. Он кое-как запихнул в себя бутерброд и выпил полчашки крепкого кофе. Потом начал громить квартиру с большим усилием. Так, как журналы, его больше ничто не отвлекало.

К полудню Игорь уже начал думать, что в его квартире не осталось белых пятен. Он искал везде, но ничто из того, к чему коснулись его руки, не подсказало разгадку тайны. Обессиленный, Астахов привалился спиной к тумбочке и уронил лицо в ладони. Требовался или намек или свежий взгляд. Неожиданно пришла мысль, что вчера он перебрал огромное количество знакомого народа, но забыл одного человека, с которым вместе проведено времени больше чем с кем-либо.

Анастасия, конечно же. Бывшая жена.

Первая мысль следом была – он что-то ей задолжал. Следом пришла другая, похуже. Настя спровоцировала этот коллапс его жизни. Возможно, самым простым способом. Она взяла с собой ту вещь, которую Игорь сейчас разыскивает. Украла... Или просто взяла по ошибке. Или знала...

Он подумал, насколько велики шансы, что Настя одна из этих... ну... которые посвящены в тайну? Она целеустремленная, деятельная, активный такой человек. И оставила его, когда Игорь начал превращаться в амебу, в офисный планктон... Что из этого следует?

Игорь надул щеки и пожал плечами. Он не знал, какие из этого можно сделать выводы. Слишком много было вариантов.

Одно очевидно – терять нечего, Насте нужно позвонить.

– Надо же! Кого я слышу!?

– Слушай, Настя, ты прости за беспокойство. У меня есть к тебе один вопрос.

– Вся во внимании.

– Такая штука... Я сейчас разыскиваю одну вещь... над которой давно нужно было... поработать... Понимаешь о чем я?

– Не-а.

– Мне очень нужно найти эту штуку. От этого зависит моя жизнь.

– Чего-о?

Игорь закрыл глаза и сделал глубокий вдох.

– Помоги мне, Настя. Я начал думать, что ты, переезжая... в конце... захватила ее.

– Астахов, я не понимаю, что за бред ты несешь. О чем ты, скажи толком? Что за вещь?

– Ну... – Игорь некоторое время поразмышлял, рискнуть ли и... рискнул. – На самом деле я сам не знаю, что это.

– Ты вообще нормальный?! Или ты напился? Чего тебе от меня надо?

– Да, это звучит глупо и странно. Но я пропадаю, Настя. У меня не осталось времени... Маленький шанс только найти это. Мне нужно сделать то, что я должен был сделать и...ну, как-то не срослось... Забыл или еще чего... Может быть, я тебе что-то обещал...

– Если и обещал, то все в прошлом, и мне от тебя ничего не нужно. Я никак не возьму в толк – это ты ищешь что-нибудь, чтобы ухватиться и не запить?

– Да, нет. Хотя... – он припомнил вчерашний вечер в компании бутылки водки, – Оно по всякому теперь сложиться может. Ну, раз не тебе... Тогда просто нужен свежий взгляд на проблему. Взгляд со стороны. Что есть такого, чего я не сделал, не достиг.

– Ха, спроси лучше, чего ты достиг! Ведь у тебя были идеи, проекты, увлечения, правильно? Где они, где это все?

– Настя, пожалуйста, не начинай снова...

– Ты же хотел совета, – было слышно, как собеседница щелкнула зажигалкой и затянулась сигаретой, – вот тебе. Если ты ищешь стимул к жизни... Жизнь после тридцати и все такое... Не, смешно вообще, знаешь, но... Выбери самое простое из того, что тебе нравилось в молодости и... Вперед! Начни с этого. Вот...

– Самое простое? Что это – «самое простое»? Может, есть еще мысли поконкретнее?

– Слушай, Астахов, ты, по-моему, просто паришь мне мозг.

– Да нет, Настя. Послушай...

– Знаешь что!? Иди к черту, Астахов! Сам разбирайся со своими вещами, не-вещами... Трубка разразилась короткими гудками.

Игорь отложил телефон и блуждающим взглядом обвел комнату. «Самое простое из того, что нравилось в молодости»... Нет, это не подсказка, это так... Как совет преодолеть небольшой личный кризис – возможно, но для ситуации, в которой оказался Игорь это не подходит. А если все-таки... Ну, что еще делать?... Его взгляд упал на старое семейное фото с родителями, стоявшее в традиционном для многих людей месте – в серванте. (Кстати, он искал по вазочкам в серванте? Искал...) Если все-таки...

Ему показалось, что он что-то нащупал, невесомое, готовое раствориться...

Все-таки... Все-таки... Все-таки...

Сейчас-сейчас... Нужно ухватиться, удержать, облечь в слова возникшее ощущение... разгадки? Возможно, ощущение правильного направления мысли. Уже кое-что.

Игорь сорвался с места и метнулся к тумбочке. Там, на второй полке лежали распиханные по пластиковым бочонкам фотопленки. Одна, две... пять... девять... двенадцать. Некоторые подписанные, большинство безымянные. Проявленные давным-давно, но почти все так и не отпечатанные.

Он все собирался однажды выбрать лучшие кадры, прикупить несколько красивых фотоальбомов, заполнить их памятными прямоугольниками фотокарточек, но желание это никогда не переходило в активную фазу.

А что? А ведь похоже на ответ задачки!? То, что собирался сделать, но так и не сделал. То простое, чем нравилось заниматься в молодости – тоже подходит. Фотографировать Игорь

раньше очень любил, первые кадры сделал еще в детстве, на черно-белую пленку, которая потом же самостоятельно проявлялась, и так же самостоятельно печатались в темной ванной комнате фотографии... Ну, вернее не темной, а залитой мистическим светом красного фонаря.

В коробочках среди пленок черно-белые тоже вполне могли сохраниться.

Пленки, пленки...

Сердце забилося часто-часто. На миг бросило в пот, потом холодок пробежался по позвоночнику. Неужели это и есть ответ?

Игорь достал одну, размотал, глянул на просвет. Поход в горы. Большая компания. Красивые места. Он сам с какой-то девушкой, не рассмотреть. Настя? Нет, этой пленке лет семь, если не больше.

Вторая. Дядя Витя и его дочка Ленка. Где же это? Кто к кому в гости ездил?

Третья. Новый год. В общаге что ли? Множество лиц. Не вспомнишь так сразу, не разберешь.

Нужно печатать. Нужно смотреть. Обязательно.

Ответ, наверняка, не сами пленки, а фотографии. Или то, что на них. Это – ключ. Поэтому...

Он поспешно разыскал на кухне чистый пакет, сложил туда серые и черные цилиндрики, и побежал к шкафу одеваться.

11. Миссия

Пленок было так много, что ему пришлось заказывать печать в двух местах, чтобы не ждать следующего дня. Даже с полагающимися оптовыми скидками за все набегала приличная сумма. Игорь начал даже сомневаться, хватит ли ему наличности. Нет, деньги у него вообще оставались. Дома. Еще он одалживал кое-кому на работе, но это было неважно. Просто сейчас с собой Игорь взял не так уж и много. Но расплатиться все-таки хватило. В одном месте ему пообещали выполнить заказ к трем часам дня, во втором – в четыре. До этого времени нужно было себя чем-то занять. Он по инерции вернулся к дому, но вдруг почувствовал, что подниматься наверх, в квартиру, где царит полный разгром, где так явственно чувствуется запах безысходности и тень убегающего времени, решительно не хочется. Там его точно охватят сомнения в том, что фотографии – это ключ к загадке, снова вернется злость и депрессия. Нет, уж лучше прогуляться, отвлечься, не дать себе усомниться, в том, что надежда может растаять.

Под подъездом играл соседский мальчишка лет семи-восьми. Играл, правда – это было громко сказано, так как правая рука у него была в гипсе. Мальчишка был славный, но какой-то насупленный, сосредоточенный. Игорь вспомнил, что так же бродил он тут и вчера утром, когда Игорь отправлялся на поиски старых друзей и новых приключений. Вчера, окрыленный и преисполненный оптимизма, он выскочил на улицу и пробежал мимо, даже не задумавшись. Сегодня захотелось исправить это.

Игорь остановился напротив что-то рисующего на земле человечка и, пытаясь вести себя непринужденно, заговорил:

– Привет, дружок. Что с твоей рукой?

Парень не расслышал его слов. Или, по-взрослому, сделал вид, что не услышал. К рисунку на земле добавились еще две скрещивающиеся линии. Игорь потоптался на месте, но юный чертежник так и не обратил на него внимание.

– Э-эй!

Нет реакции. Игорь застеснялся, смутился, третий раз мальчишку уже не позвал. Вздохнул лишь и побрел прочь со двора.

Даже дети его не замечают! Это же вообще! Эх... Только бы он не ошибся! Только бы это дело с пленками выгорело!

Игорь, задумавшись, побрел, куда глаза глядят, потом опомнился, потому как куда еще могло направиться тело, если дать ему волю? Привычным маршрутом к остановке. Нет-нет, почему бы не пойти сейчас в противоположную сторону!? В парк.

Игорь Астахов побродил немного аллеями меж елочек, акаций и каштанов, получил еще одно расстройство оттого, что его не узнал прогуливающийся там старый учитель математики Петр Валерьяныч. Впрочем, старик не замечал его и раньше. Возможно, он не замечал и не помнил никого из своих бывших учеников. Да, скорее всего, так и было. Но Игорю от этой мысли лучше не стало.

В парке он бродил недолго. Шумный проспект, где в фотостудии сейчас зрело его спасение, а может и разочарование, так и манил, так и тянул. Игорь нащупал в кармане две квитанции и, тоскливо вздохнув, зашагал туда.

В половине пятого он уже разложил все фото по дому. Было их почти три сотни. Сначала он стал просто просматривать их одну за другой в пачке, но потом показалось, что правильнее сделать так. И он разложил отпечатанные фотографии по всем горизонтальным плоскостям спальни. Стол, диван, пол, какие-то коробки, в которых он утром рылся и бросил... Отовсюду на него смотрели знакомые и позабытые лица. И Игорь тоже смотрел на них.

Сколько же их! Задуматься только, как много людей человек встречает за свою жизнь. И не просто встречает, общается, дружит, выпивает, заводит отношения. Сколько девушек, с которыми что-то было... начиная с мимолетного флирта и заканчивая годами семейной жизни. Игорь вспомнил сон про кровати и попытался прикинуть примерное число своих влюбленностей. При том, что в этом плане он считал себя самым что ни на есть среднестатистическим мужчиной... выходило под два десятка. От этой цифры у него даже слегка округлились глаза, но, подумав о сроке за который велся отсчет, расслабился. Пятнадцать лет – это немалый срок. Но эта цифра нажала уже на другое... Жизнь пролетает. Неустроенная, без счастья, без любимого дела, без любимого человека, без наследников... Хотя... что он может оставить в наследство?

Запаздывание... Чего юлить, оно ведь уже подобралось к стадии необратимости. В это не хочется верить, но вот он, его последний шанс – разбросанные вокруг фото. Ну, фото... И что?

Люди, люди, люди... Если представить жизнь каждого из нас пестрой лентой, то какой бы мог получиться узор из переплетений и взаимопроникновений, пересечений и скрещиваний. Возможно, кому-то удастся воспринимать существование именно так, но уж точно никому не суждено влиять на этот рисунок.

Он опустился на диван, уставившись в потолок. Протянул руку, взял фотку наугад. Улыбающиеся лица на вокзале. Встреча? Расставание? Положил, взял следующую.

Шашлык на озере. Компания усевшаяся вокруг костра. Красное полотнище с намалеванной белой надписью «Мир! Труд! Май!».

А вот еще одна. Из старых. Игорь прекрасно помнил ее, последнюю черно-белую пленку, которую он сам отпечатал при помощи фотоувеличителя в зашторенной ванной комнате. Пять девчонок и два пацана прогуливали что-то на втором курсе. Что интересно, с этой пленки не было ни одного кадра брака, все фотографии были классные и всем нравились. Наверное, поэтому все и пришлось раздать. Себе ничего не осталось.

Агата... Надо же! Сохранилась эта пленка с его первой машиной, которую он очень любил, которой дал это имя – Агата, и с которой пришлось расстаться. Расстаться, потому что она была уже не на ходу, потому что ее негде было хранить, потому что заниматься восстановлением было некогда, потому что предложили другой неплохой вариант... Да, в общем, много тогда нашлось причин, оправдывающих предательство, оправдывающих крах надежд реставрировать старый автомобиль. Где ты теперь малышка, на какой свалке?

Сдача диплома. Поход в горы. Новый год на работе. Настя...

Так прошло более получаса. Он брал снимок, смотрел на него, клал обратно, делал паузу и снова брал новый.

На какой-то миг он почувствовал, что эти карточки, 10 на 15, разбросанные по дивану, столу, лежащие на полу... Все это давит на него. Игорь почувствовал себя похороненным под историей, памятью. Он тонул в воспоминаниях, погружался на дно, в сумрак минувших дней. Но, вопреки ожиданиям это было не страшно. Уже не страшно.

Игорь понял, что ошибся, не угадал, выбрал не то. Шанс упущен. Значит, его забудут, значит дальше лишь одиночество, пустота. Можно прощаться.

Игорь обвел безвольным взглядом разложенные повсюду фотографии, пытаясь ухватить сразу множество лиц. Помахал им рукой.

Прощайте, люди! Можете с чистой совестью забыть про Игоря Астахова. Вычеркивайте из памяти! Считайте, этого человека больше нет.

Захотелось поднять поминальный бокал и всплакнуть под печальную музыку. Да, именно! В тишине оставаться более было невыносимо. Захотелось заполнить звенящий вакуум квартиры чем-то особенным, близким его душе и его времени. Музыкальный центр был отвергнут. Игорь бросил взгляд на вытасненный вчера с балкона кассетник. Магнитофон уже ничего не писал, у него практически не работало радио, но звук... Звук он еще мог сносно извлечь из магнитной ленты и Игорь понял, что ему необходима именно такая музыка. Свою коллекцию кассет он, поддавшись импульсу, подарил одному приятелю, у которого в машине еще сохранилась кассетная магнитола, подарил уже давно. Но неужели он отдал все? Нет, по крайней мере, одну какую-то кассету он видел буквально сегодня, копаясь в хламе. Лежала она...

Где же она лежала? В каком-то неожиданном таком месте... Та-а-ак... Где? А, ну да, в старой коричневой папке! Игорь неторопливо, ибо торопиться было, по его мнению, уже бессмысленно, разыскал среди вещей эту самую папку, с которой одно время, давным-давно, ходил в институт. Утром он уже заглядывал в нее, там лежали какие-то вещи, не заинтересовавшие его, причем, какие именно вещи, Игорь не даже запомнил. Сейчас это можно было исправить.

Кассета в подкассетнике без вкладыша, потрепанная колода карт, синяя общая тетрадь с простой и лаконичной надписью «ВОЙНА» на обложке и отдельно листик из этой тетради с незаконченной «пулькой» – таково было содержимое папки. Ничего необычного, вот только удивительно, что папка в нетронutom виде пережила два или три квартирных переезда, не потерялась, не была выброшена, не понадобилась для переноски или хранения каких-нибудь документов, а так и валялась... «ВОЙНА» означала конспект по дисциплинам военной кафедры. Эпизодические записи лекций, схемы, рисунки на полях, а на последней странице – настоящая картинная галерея, в центре которой в рамочке жизнеутверждающе красовалось: «ВОЙНА окончена! Наступил МИР!». И карты, кстати, были неотъемлемой частью «военки». Если могли, то сбегали с лекции сыграть в «буру» или расписать «пульку». Вот эту партию не закончили, – Игорь взял в руки расчерченный лист – хотя я даже выигрывал.

Ему так отчетливо представился этот последний день, именно почему-то представился, а не вспомнился. Последняя лекция, зачет, партия в преферанс в ожидании курсового офицера, ставящего оценки в зачетки. Игорь выигрывает, остается чуть-чуть до закрытия пули, но курсовой офицер приходит, все барахло кидается в папку и... папка находится лишь спустя много лет...

Вообще-то идеально подходит под условия загадки «найди то, не знаю что». Остается только разыскать участников этой самой незаконченной игры в преферанс и доиграть... Красота!

Игорь вздохнул, столкнул с коленей конспект, накрывший рассыпавшуюся колоду, потянулся к кассете в прозрачной коробочке. Кассета, вроде бы, не входила в его прежнюю коллекцию. Полупрозрачный корпус без наклеек, ленты на катушке – с полнормы. Отмотана на начало. Что на этой кассете, Игорь не представлял. Принципиального значения, по его мнению, это сейчас не имело. Просто было важно подержать в пальцах кусочек прошлого, и услышать звук, особенный звук. Ну... будет сюрприз. Игорь глянул на свет сквозь корпус, полузабытым жестом подкрутил ногтем размотавшуюся часть пленки и скормил кассету магнитофону. Тот покапризничал кнопкой питания, которая держалась на спичке, похрипел, пока выставлялся уровень громкости, а потом заиграл. Да так, что Игорь Астахов замер на месте и через пару секунд сполз на пол, к своим разложенным фотографиям. Если точнее, он просто рухнул в них.

Музыка... Это же не просто музыка... Она... Вот тебе и сюрприз!

С первых аккордов Игорь понял... Нет, с первых аккордов он еще ничего не успел *понять*, он мог только *почувствовать*. И он почувствовал.

Почувствовал, как мелодия вдруг заполняет все пространство – и внешнее, квартиры, и внутреннее – пространство души, как она разливается, и накрывает его волной и летит вдаль, за пределы стен, за пределы привычных измерений.

Почувствовал, что на сердце стало вдруг легко. Отсеялись подавленность, напряжение, тоска. Грусть осталась. Светлая и невесомая. Грусть оттого, что время летит, оттого, что за окном осень, оттого, что неизбежны расставания, оттого, что люди уходят и все прощанья навсегда. Оттого, что жизнь такова, вот и все.

Еще почувствовал, что, не смотря ни на что, жизнь идет и всегда есть место банальной и доброй мантре «Все будет хорошо!».

А вслед за эмоциями пришло понимание. Сначала какое-то бессознательное, а потом уже выраженное словами. Словами, которые можно проговорить ртом и исторгнуть в окружающий мир. Слова были элементарные, но они означали очень важные вещи.

ЭТО – ТО САМОЕ!!!

Да, это – то, что он искал. Прележавшая много лет в папке кассета – вот что было его сокровищем, его загадочным «найди то, не знаю что». Кассета, которую кто-то (знать бы еще – кто?) дал ему в последний день войны, и которую нужно было прослушать еще десять лет назад. Вот, черт! Сделай он это тогда... Ведь вся жизнь могла бы сложиться иначе. Вся жизнь...

Он в очередной раз огляделся, словно спрашивая у людей с фотографий: «Почему я этого не сделал тогда? Ну, почему? Какие обстоятельства помешали? Какой злой рок?» Ему показалось, что его «собеседники»жимают плечами и разводят руками. Ну, что уж теперь поделать, мол.

Музыка звучала. Не очень качественно, но в этом и был тот самый кайф, составляющая волшебства. Так почти мистически звучит джаз и рок-н-ролл со старых виниловых пластинок, так звучит, вгоняя в транс, голос бардов с бобинных магнитофонов. И так звучала эта кассета, раскодируя с магнитной ленты неведомое послание его разуму, транслируя его через дрожащие мембраны динамиков.

Музыка... Как же описать ее? Нет, было совершенно очевидно, что определить, что это за стиль, распознать состав используемых инструментов, идентифицировать самих исполнителей, просто невозможно. Более того, если попытаться приравнять звучание к какому-то конкретному имени, какой-то конкретной группе, то это будет, во-первых, явный обман – Игорь не слышал ранее ничего подобного, а, во-вторых, попытками найти аналог можно уничтожить уникальность этой музыки, ее чары. Нет, называть и сравнивать было нельзя. Даже определить географическую привязку мелодии не представлялось возможным, из колонок доносились то тягучие элементы жаркого востока, то напор русского симфонического оркестра, то что-то готичное, родом из католических храмов центральной Европы. Вдруг среди множества музыкальных инструментов брала соло испанская гитара, а флейта через миг уводила в фантазиях на альпийские пастбища, чтобы через какое-то время передать эстафету африканским барабанам, появившимся на заднем плане. В этой музыке словно отражался весь мир.

Кто же мог дать ему сию не поддающуюся описанию музыку? Кто предоставил ему шанс пройти посвящение в таинственный круг людей, знающих что-то такое, что неведомо остальным? Можно прикинуть несколько кандидатур, но... Только не сейчас! Сейчас – пить эту мелодию, тонуть в разбуженном океане любви и жизни. Наслаждаться!

Душа Игоря затрепетала, грудь наполнило ощущение счастья. Мысли споткнулись на очередном изумительном проигрыше и затаились. Остались чувства и эмоции.

Ветер ворвался в открытую балконную дверь, обнял его за плечи, пробежался по фотографиям, словно говоря, что фотографии... это тоже было не зря. Солнечный луч заскользил по комнате, утешая человека, чей путь к обретению смысла был долог и сложен. Небо в окне улыбнулось изогнутым облачком на пронзительной синеве.

Игорь почувствовал себя нырнувшим в nirvanу, и из глаз его потекли слезы радости и облегчения.

Он не помнил, сколько звучала кассета. Время потеряло свой смысл на этот период. Что-то случилось, по его представлению, и с пространством – Игорь чувствовал, что музыка... Она не просто звучит и затихает, она течет словно река мимо него и исчезает где-то за окном,

выплескиваясь на стены соседних домов, скользя по проводам, растворяясь в прозрачном сентябрьском воздухе.

Когда последние заблудившиеся аккорды покинули его квартиру, Игорь скинул покрывало вместе с разбросанными фотками, забрался на кровать, свернулся калачиком и уснул на долгие 12 часов. Сон его был крепкий и во сне он... менялся.

12. Свои

Игорь уже и не помнил, когда просыпался так легко. Ну, может быть, в юности. Ну, может быть, в периоды сильной влюбленности, когда новый день означал встречу с Ней. В первый день отпуска или накануне праздников... возможно. Но никогда Игорь не просыпался с такой легкостью, бодростью и энтузиазмом в 6 утра.

Беспристрастно оглядев окружающий его бардак, он потратил 15 минут на водные процедуры, затем вскипятил чайник и сделал гренки.

Солнце всходило над крышами домов его города, а он стоял на балконе, немного ежась от свежей утренней прохлады, и пил ароматный кофе. Пил кофе и хрустел гренкой.

Он не мог понять, что именно, но что-то изменилось. В нем или, может, в окружающем мире. А может, и там, и там. Утро казалось ему чистым и пронзительным, город – живым и ярким. Сентябрь улыбался ему. Игорю представился его лик – спокойный, проникновенный, всезнающий. В этом образе сплелось очень много маленьких картинок, штрихов, бликов, выплывших из неизвестных тайников сознания.

Сентябрь...

Его сентябрь выглядел как мужчина без возраста в потертой джинсе, заношенных кроссовках и легкой стильной шляпе, надвинутой на глаза. Испанская борода, морщинки у глаз, почти достающие до плеч волосы. Мистер Сентябрь подмигнул отражением солнца в стеклах соседнего дома, усмехнулся порывом ветра, и ушел легкой походкой в сторону вечного индийского лета.

Игорь рассмеялся и отсалютовал ему кружкой кофе.

Разгоралась заря, начинался новый день. День, не похожий на предыдущие, день, начинающий новую эпоху.

И еще это был последний день бабьего лета.

Энергия переполняла Игоря, и он задорно взялся за уборку. Начал с разбросанных везде фотографий, которые аккуратно собрал в две коробки, потом прошелся по квартире, собирая обнажившийся во время вчерашних поисков старый хлам, достойный отправиться на свалку. Придерживаясь девиза «Этому не место в новой жизни», он приготовил к выбросу в прихожей три огромных мешка.

После этого пришел черед хлама, еще способного пригодиться. С ним возни было больше, но и с этим занятием Игорь справлялся чуть ли не танцуя.

В какой-то момент он оказался рядом с магнитофоном. Игорь всмотрелся сквозь мутную крышку кассетоприемника – почему-то подумалось, что кассета за ночь вполне могла и исчезнуть. Но обошлось без колдунства. Волшебный артефакт был на месте. Рука сама потянулась нажать на перемотку и попробовать запустить мистическую мелодию еще раз, но внутри кассетника раздался хлопок, запахло горелой проводкой. Игорь расхохотался в голос, выдернул вилку магнитофона из розетки, протер его от пыли и поставил в нишу под сервантом. Как музейный экспонат. Как напоминание.

В следующую минуту первый раз зазвонил телефон.

На том конце провода был Сашка, друг, один из немногих, с кем в последнее время пересекался Игорь. Да, именно пересекался, трудно было назвать это по-другому. Мимолетные невесомые встречи, в которые превратилась крепкая некогда дружба.

- Ну, что, кореш, с прошедшим тебя! Как, отошел от празднований? Голова не болит?
- Да какие там празднования! Дома просидел весь отпуск. Никто и не вспомнил. И ты, кстати тоже.
- Извини, очень сильно закрутился. Машину новую купил. В кредит. Не вечно же со старым хламом по мастерским скитаться... Но я искуплю...
- Покатаешь?
- Не вопрос!
- Или, может, пивом обмоем?
- А можно и так и так – у меня жена водит.
- Хорошо устроился.
- Ну, дык! В общем, на следующие выходные ничего не планируй, встретимся по-любому.
- Лады.

Спустя час, прервав танго Игоря с пылесосом, с другого конца континента позвонил Славик Березнов, которого он не слышал года три. Он стыдился и извинялся, так как в июле приезжал в город отдыхать с семьей, но до Игоря так и не добрался.

- Ну, понимаешь, так получилось... Семья... Ну, ты еще поймешь...

Слова про семью немного кольнули Игоря, он поворчал для проформы, но не злился на товарища совершенно.

- Теперь все будет иначе, веришь? В следующий раз обязательно встретимся.

Игорь почему-то... неизвестно почему... ему поверил.

– Ну, смотри, ловлю на слове.... Да, ты пообещал... Ага... Ладно, не трать свои миллионы на международку... Еще раз спасибо, Славик... Молодец, что позвонил... Пока, пока...

Уборка в квартире перемежалась звонками. Вначале Игорь удивлялся каждому из них, по-детски радовался, и по несколько минут после прощания осмысливал диалоги, потом... начал задумываться...

Мастер-авторемнтник Пал Палыч, к которому Игорь частенько заглядывал со своей машиной, сообщил, что у них случайно образовалось окно в заказах, и если Игорь не передумал сделать обработку антикором, то случай самый что ни на есть удобный... Игорь сказал, что прикинет финансы, и сообщит о своем решении завтра.

Двоюродная сестра Ленка, молоденькая стрекоза, заканчивающая в следующем году школу, своим звонком преподнесла весьма неожиданный сюрприз. Встречались они чрезвычайно редко, жили в разных, что называется, измерениях. И вот... Игорь даже откровенно спросил:

- Что, мама просила позвонить?

– Фу! Что я сама не могу кузена поздравить? Все ж родная кровь, как никак.

По идее в этих словах должна была присутствовать издевка, но Игорь ее, как ни странно, не почувствовал. Может, повзрослела чуток девчонка, подумал он.

Ленка пожелала не киснуть, не унывать, радоваться жизни и быть счастливым. Спросила, что думает братик о гуманитарном колледже и филиале столичного политеха. Все правильно, подумал Игорь, молодец – о том, куда идти после школы, лучше задуматься сейчас. Правда, про названные учебные заведения ему сказать было нечего, но они очень мило поболтали о выборе профессии вообще.

Возникла мысль, что теперь наверняка позвонит Настя, но бывшая жена не позвонила. Вместо нее совершенно неожиданно раздался звонок от старой знакомой по имени Ольга. Причем акцент в выражении «старая знакомая» тактичнее было бы ставить именно на слове «знакомая». Ольга была его ровесницей, они знали друг друга чуть ли не со школьной скамьи, и... ну в общем, как и Насте, к ней тоже подходило определение «бывшая». Игорь был удивлен, приятно удивлен, услышать Олин голос, ее поздравления. Было тепло и хорошо на душе оттого, что человек, которого он когда-то любил, любил совсем недолго, но яркой и пылкой юношеской любовью, помнит эту дату. Взволнованный, неожиданно он даже пригласил ее встретиться, и

неожиданно Оля согласилась. Правда, она оставила дату открытой. Ольга сказала, что ему сейчас, наверное, будет не до нее, но потом они обязательно встретятся и о многом поговорят.

После того, как Игорь положил трубку, он отыскал среди сделанных вчера снимков хороший кадр с Олей и четверть часа просидел в уже почти убранной комнате с глупой улыбкой на лице, держа карточку в руках... до следующего звонка.

Позвонил Мишка, с которым они вместе работали. Поздравил и деликатно поинтересовался, собирается ли Игорь замять свой день рождения или будет выставляться. Мишка был весел, рассказал какие-то пару забавных историй, случившихся на службе во время его отсутствия, обрадовал вестью о выписанной их отделу премии (после этой информации замять банкет по случаю дня рождения на работе было бы уже свинством) и заинтриговал тем, что через неделю у них появится новая молоденькая сотрудница.

Родители тоже позвонили. Их звонок был иным, не таким как все остальные, и откуда-то Игорь почувствовал это. Отец настороженно сообщил, что куча народа интересовались его номером. Им с мамой это показалось странным – Игорь не живет с ними уже лет семь, а они звонят. Игорю тоже показалось это немного странным, но совершенно не опасным – внутри он отчего-то улыбался, и обеспокоенность родителей казалась такой забавной. Не смешной, а именно забавной. К тому же детальный расспрос преобразил образную «кучу народа» в трех реальных человек и Игорь в принципе догадался, кто это был.

В довершение всего, и уборки в том числе, Игорь двадцать минут протрепался с совершенно незнакомой девушкой, ошибившейся номером. Это для скромного и, честно сказать, не красноречивого мужчины было невероятным событием. Девушку звали Наташа, и она по удивительному стечению обстоятельств жила на соседней улице. Возможно, среди горящих вечером окон, на которые Игорь смотрел с балкона, было и ее окно. Чтобы не спугнуть забытое ощущение романтики и аромат чар случайного знакомства, Игорь не стал допытываться о том, какой номер у нее телефона, о том, есть ли у нее парень, и все такое в том же духе. Но он напомнил ей, что почти на всех современных телефонах есть кнопка «Повтор номера». Они распрощались, не сдерживая смеха.

На кухне, где осталось перемыть посуду и провести ревизию в холодильнике, Игорю попала на глаза бумажка со списком приглашенных. Он проглядел его задумчиво. Взял ручку, обвел кружком Сашку, а потом... рядом выстроил новый список – со всеми, кто позвонил ему сегодня. Свои? Это – свои? Одной породы? То есть... успевшие? От того, что все эти люди могут быть действительно причастны к какой-то тайне, закружилась голова. Игорь налил себе холодного кофе и залпом выпил. А кто мог подбросить кассету? Он поставил знак вопроса рядом с именем Славика – как-никак однокурсник, значит единственный подходящий кандидат из списка. Хотя... теоретически это можно было сделать и потом, в любой момент, попав в квартиру, да просто зайдя в гости... Ладно, топор уже не висит над темечком, а с остальным разберемся.

После обеда немного уставший и заскучавший от наведения порядка Игорь вышел подышать воздухом. В парке его неожиданно окликнул расположившийся с шахматами на лавочке Петр Валерьяныч.

– Молодой человек, а не составите ли компанию старому учителю?

Игорь опешил, ведь еще вчера бывший математик не признал его на улице, не ответил на приветствие, одним словом, не заметил. А сегодня... Быть может, у старика проблемы с памятью и он не узнал его... Вчера не узнал, а сегодня... Или...

– Я давно не играл в шахматы, Петр Валерьяныч.

– Это ничего, Игорь. Я далеко не профессионал в этом деле.

– Вы помните меня? – Игорь искренне удивился.

Бывший учитель математики лукаво улыбнулся.

– Помню, да.

– Надо же! Я все думал, скольких запоминают учителя...

– Многих, но не стоит про это думать, Игоренечка. У тебя есть, о чем теперь поразмыслить, не так ли? Твой ход.

Игорь и не заметил, что они уже начали игру. Эта встреча... Игорь был уверен, что она не случайна. Петр Валерьяныч наверняка должен был что-то сообщить ему, возможно даже открыть какую-то тайну. Но старый учитель не спешил. Несколько ходов состоялось в молчании. Потом он беспристрастно отметил:

– Ты успел.

Игорь вздрогнул.

– Что?

– Да, вот здесь, успел ладью спрятать.

– А, вы вот о чем...

– В другом ты тоже успел, да.

Игорь вздрогнул второй раз. Посмотрел на своего учителя, но тот не поднимал взгляд от доски.

– Тяжело пришлось, да?

Ох это «да», вдруг неожиданно вспомнил Игорь. Они посмеивались над ним за это частое «да» в конце фраз. Неожиданно Игорю стало за это стыдно. Но одновременно и позабавило. Математик был хорошим дядькой в понимании школьников, но стадный инстинкт в детстве... Ему трудно противостоять.

– Да, было тяжело.

Петр Валерьяныч кивнул и сделал свой ход. Игорь ответил, хотя о шахматах не думалось совершенно, в голове вертелись жизненно важные вопросы. И он не выдержал.

– Скажите, наконец, что все это значит?

Бывший учитель пожал плечами, снял очки, протер их извлеченным из кармана носовым платком. Потом снова надел очки, переместил на две клетки ладью. И только после этого сказал:

– Что все это значит, до конца никто не знает.

Как ни странно неторопливые действия старика, его неспешный ответ не разозлили, а наоборот успокоили Игоря. Он снова вернулся к доске, немножко подумал и съел пешку соперника конем. И тут же понял, что попался на удочку – на его территорию ворвался слон.

– Это был экзаме́н?

– Можно и так сказать. Ты открыл свой канал. Взломал пароль. Вернее перекинул его другому человеку. Как когда-то я тебе.

– Вы – мне!? Как? Когда? Вы тоже ставили нам какую-то музыку?

– Нет-нет, все очень индивидуально. У тебя была, видишь ли, музыка, у меня – другой способ. Ты помнишь задачку про то, как рыцарь искал замок своей дамы? Логическая задачка сверх программы...

– Помню. Еще бы! Но я так и не решил ее... Почти разобрался, догадался про ответ, но не смог доказать его математически.

Петр Валерьяныч закивал.

– По-другому и не могло быть.

– Петр Валерьяныч... – Астахов умоляюще посмотрел на старого учителя, – А может все и сначала? Пожалуйста.

– Ты понимаешь, «все и сначала» никто тебе не сможет рассказать. Нет точной и достоверной информации. Нет аксиом и доказанных теорем. Есть только домыслы и наблюдения. Это, во-первых. А, во-вторых, все настолько индивидуально... Но, то что могу рассказать... Такая штука, в общем... У некоторых людей есть что-то вроде энергетического канала с... мы – атеисты, поэтому назовем это просто космосом, да. Через этот канал они могут обмениваться информационными потоками с окружающим пространством на ином, нежели остальные, уровне. У этих людей... у нас... есть благодаря этому кое-какие возможности. Не научно-фантастические телепатия там или левитация, но все-таки возможности. Ты, наверное, хочешь спросить – какие? Опять же – сугубо индивидуально и зачастую не описать словами. Красивый пример – теория, согласно которой мы притягиваем то, о чем думаем.

– И сколько их... нас, – произнести это слово Игорю удалось с трудом, – вокруг?

– Процента два-три, может четыре от всего населения. В среднем. Где-то процент выше, в каких-то краях ниже, – Петр Валерьяныч замолчал ненадолго, о чем-то задумавшись, покрутил в руках «съеденную» шахматную фигуру. – Так вот... Канал... Кстати, ты должен понимать, что термины совершенно условные. В общем, есть все-таки ряд правил, можно даже сказать, законов. Канал, проявляющий себя еще в детстве, во время полового созревания должен быть закрыт, заперт неким паролем, да. Если этого не сделать, то в период взросления юноша или девушка растеряет всю свою энергию. Чувствительный, способный, одаренный ребенок – сейчас полюбили ярлык «Дети Индиго» – превратится в нервного и подавленного «пустоцвета». Космос в этот период действует как самый настоящий вампир, а защиты – никакой. Наоборот, закрытый замком канал позволяет носителю окрепнуть и подсознательно подготовиться для его использования в будущем. Но все это относительно просто в теории, а на практике мы сталкиваемся с рядом непростых условий. Во-первых, пока не вскрыт пароль, человека нельзя посвящать в эту тайну. Во-вторых, пароль не просто вскрывается. Его нужно перебросить. Есть такой вот закон сохранения замка. Кто-то открывается – кто-то закрывается.

– А если человек не смог...

– Я знаю, Игореша, что это не просто. Мы все через это проходим. Иногда находятся подсказчики, помогают намеком, не более. А, в общем, если человек так и смог открыться, он словно гаснет внутри и наступает момент когда уже ничего исправить нельзя. Ну и дальше, по наклонной...

– Мои 31...

– Да, ты тянул очень долго. Но сам возраст здесь ни при чем. Просто в эти дни истекал твой последний шанс перебросить пароль.

– А кому я его перебросил? И как?

Петр Валерьяныч покачал головой.

– Пожалей старика. Я не читал лекций уже много-много лет и устал, пожалуй, да. Ты успел. Это главное. Остальное может подождать.

– Но я что-то должен сделать еще?

– Ты уже все сделал. Теперь... Прислушайся к себе. Постигай свою природу. И просто живи.

Вокруг глаз старого учителя заиграли морщинки – он улыбался.

Часом позже нагулявшийся по парку, Игорь подошел к своему дому и снова увидел соседского мальчишку с загипсованной рукой. Хотя парнишка был опять чем-то увлечен у газона, на этот раз он заметил его и поздоровался. Игорь улыбнулся и поздоровался в ответ. Его безмерно радовал тот факт, что его снова замечают. Он подошел к ребенку и попробовал заговорить.

– О чем думаешь, приятель?

– Да вот... Это... Завтра здесь будут рыть яму, и они погибнут.

– Кто?

– Роза и сирень.

Игорь присмотрелся к клумбе, где росли два чахлах розовых кустика и несколько веточек сирени, обвел взглядом двор.

– А почему ты решил, что здесь будут рыть?

Мальчик повел плечами.

– Знаю.

Игорь посмотрел на него внимательней, словно пытаясь по чертам лица ничем не примечательного, хотя и славного, надо признать, ребенка понять – один ли он из... наших? Что-то в сердце подсказывало, что да. Он один из тех, кто еще вчера не замечал его, а сегодня... Сегодня все изменилось. Игорь, совершенно не имеющий опыта общения с детьми, тем более с такими детьми, растерялся. Ему стало неловко, захотелось уйти, но он... не мог. Перед ним был... свой. Ну и что, что лет ему было не больше восьми!?

– Я не могу им помочь, – вздохнул мальчик, посмотрев на руку в гипсе – а ты?

– Ну, можно, – Игорь не верил, что говорит эти слова, не верил, что ввязывается в эту авантюру, – можно их пересадить...

- Ты сможешь?
- Ну-у, если где-то найти лопату...
- У дяди Миши есть лопата.
- Кто это – дядя Миша?
- Мой сосед. Пойдем к нему.

Они зашагали к соседнему подъезду. У дверей мальчуган остановился и по-взрослому протянул руку. Из гипса выглядывали лишь кончики пальцев, это было забавно и трогательно.

– Меня зовут Антон, – сказал он.

– Я – Игорь, – представился Астахов, так и не решив добавить «Николаевич» и пожал загипсованную руку.

Дядя Миша посмотрел на них неприветливо, но лопату дал, и они дотемна, не обращая внимания на прохожих, спасали представителей дворовой флоры от предсказанного юным медиумом уничтожения.

Когда все было закончено, и они с Антошкой распрощались, Игорь почувствовал себя впервые за много-много дней счастливым.

А на рассвете пошел дождь. Игорь вышел во двор, задержался на крыльце, с тихой, едва заметной улыбкой посмотрел на рабочих в оранжевых промокших жилетках, суетящихся возле экскаватора, потом перевел взгляд на другую сторону, где ярко и пронзительно блестели умытые дождем сирень и два розовых куста.

Он, конечно, еще мало что понимал. Вопросов была уйма. Целая гора вопросов накопилась с момента вчерашнего разговора. И глобальных, и локальных. Например, если этот виртуальный замок перебрасывается от одного человека к другому, то значит «замков» на планете некоторое фиксированное количество, соответствующее количеству... эх термина подходящего нет... носителей канала связи. А если порой носители со своим замком... гаснут... Значит нас таких должно становиться все меньше и меньше?

Или вот вопрос попроще – к кому перешел мой замок? Кто этот мальчишка или девчонка? Должен ли он, Игорь, чувствовать ответственность за этого человечка? Должен ли быть тем, кто посвятит его в тайну, когда придет время, как это сделал его старый учитель?

Попутная мысль – кузина Анька в свои сколько то там... 15... 16... Неужели уже раскрылась, разгадала свой ребус? Ай, стрекоза! Какой же я по сравнению с ней... лузер!

Или вот, Антошка – он ведь предвидел этот ремонт теплотрассы. Это же практически ясновиденье. Но разве такие способности не появляются после созревания? И кстати, сами способности. Это отдельная тема. Это самая интересная тема. Какими они бывают? Как их находить и развивать?

Нет, в следующий раз Петру Валерьянычу придется отвечать на все его вопросы. Игорь чуть запнулся в мыслях, вспомнив, что не договаривался о конкретном времени встречи с учителем и не спросил телефон.

А что тут думать – старик гуляет в парке по вечерам, когда нет дождя. А дождь у нас, – он новым взглядом хитро взглянул на небо, – кончится послезавтра.

Игорь улыбнулся, раскрыл зонт, и пошел на работу.

Эпилог.

Одиннадцатилетний мальчишка сидел на подоконнике и смотрел в окно, за которым накрапывал первый по-настоящему осенний дождь. В его любимой комнате было пусто, только несколько коробок стояли у двери.

– Владик, машина за вещами придет через три часа. Ты можешь сходить к друзьям, попрощаться.

– Мама, сегодня понедельник. Все в школе. Да я и попрощался уже, – последнее он добавил тихо-тихо.

– А, ну да. Точно. Ну, школа у тебя будет уже другая. Очень скоро. Будут новые друзья...

– Мама!

– Ладно-ладно. Я пойду, проверю, не забыла ли чего.

Она вышла из комнаты.

Конечно же, Владик не хотел переезжать. Терять друзей и знакомых, начинать все с нуля на новом месте. Привыкать к новому дому, новому двору, новой школе... Решение родителей он перенес очень тяжело. С ним совсем не хотели считаться. Ссоры и обиды тянулись уже несколько дней. За это время у Владика было два состояния – открытого конфликта с родителями и надутого обиженного молчания. Ну, как они не понимали!? Ведь здесь, в этой квартире, в этом дворе, на этой улице ему было хорошо. Не всегда, но часто. А там? Что будет там? Влад боялся будущего, боялся неопределенности.

И нервничал, и злился из-за этого.

Так было до субботы. В субботу, то есть позавчера, кое-что случилось, и это повлияло на Владика. Он стал воспринимать будущий переезд уже без прежнего негатива.

В субботу вечером он, выйдя на балкон, услышал музыку.

Что-то случилось с ним после этого. Что-то отозвалось в сердце на сказочную мелодию, будто включился дремавший доселе механизм, о существовании которого он и не подозревал. Включившийся механизм взял, да и закрыл нехорошее окно, из которого сквозило и чем-то раздражающе пахло. И после этого сразу стало легче. Огонек, горевший в его душе, перестал дергаться, и потеплело. В душе. И в мыслях.

Переезд так переезд. Так даже лучше. Ближе к морю. И главное... У Владика возникла совершенно взрослая мысль – ведь на новом месте можно начать жизнь заново. Раньше это просто не приходило ему в голову. Сразу засуетились, забегали, маленькие идеи, чем именно эта новая жизнь будет отличаться. Мечтать об этом оказалось приятно, к тому же это отвлекало от тоски. Ну, там занятие спортом, необходимо обязательно записаться в какую-нибудь секцию, потом углубленное изучение английского... Нужно будет читать больше книг, развивать память и вообще про все это составить точный план... Кроме того, на новом месте с чистого листа можно будет строить отношения с людьми, не повторять некоторые ошибки...

Вот только жаль, что ту музыку, которую слышал, на новом месте он больше не услышит...

Владик посмотрел на опустевшую комнату, вспомнил, где и как стояла мебель, вспомнил как он здесь жил. Все это хотелось запомнить, зафиксировать в памяти – его детство. Потом он отвернулся от пустых стен и бросил взгляд за окно. По дорожке в сторону остановки шел под зонтом их сосед. Движенья его были свободны, размеренны и легки, Владик даже залюбовался его походкой. Он подумал, что хочет и сам так же легко, спокойно и бодро в свои невероятно далекие тридцать, или сколько-то там, идти по жизни, вот только, нетрудно догадаться, что для этого нужно преодолеть немало преград.

Он попробует.

Он сможет.

В это хотелось верить.

Конец.

Сентябрь 2006 -
– Сентябрь 2008